

ЙОЗЕФ ОЛЛЕРБЕРГ ГЮНТЕР БАУЭР
БРУНО СЮТКУС

СНАЙПЕРСКАЯ «ЭЛИТА» III РЕЙХА

ОТКРОВЕНИЯ УБИЙЦ

**Гюнтер Бауэр
Бруно Сюткус
Йозеф Оллерберг**

**Снайперская «элита» III Рейха.
Откровения убийц (сборник)**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6981797

Йозеф Оллерберг. Снайперская «элита» III Рейха. Откровения убийц:

Яуза; Москва; 2014

ISBN 978-5-906716-06-4

Аннотация

ТРИ БЕСТСЕЛЛЕРА ОДНИМ ТОМОМ! Шокирующие мемуары трех немецких Scharfschützen (снайперов), на общем счету которых более 600 жизней наших солдат. Исповедь профессиональных убийц, сотни раз видевших смерть через оптику своих снайперских винтовок. Циничные откровения об ужасах войны на Восточном фронте, где не было места ни рыцарству, ни состраданию. Им довелось воевать на различных направлениях, и судьбы их сложились по-разному. Объединяет их одно – все они были расчетливы и безжалостны, обладали нечеловеческой выдержкой, позволявшей часами выслеживать цели и выходить победителями из снайперских дуэлей; все они

выжили в самых страшных боях Восточного фронта, заплатив за это чудовищную цену – превратившись в законченных убийц.

Содержание

Гюнтер Бауэр. Смерть сквозь оптический прицел	5
Глава первая. Призывная повестка	5
Глава вторая. Аннексия Судет	18
Глава третья. Вторжение в Польшу	27
Глава четвертая. Я становлюсь учеником профессионального снайпера	79
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Йозеф Оллерберг Снайперская «элита» III Рейха. Откровения убийц

**Гюнтер Бауэр. Смерть
сквозь оптический прицел**

Глава первая. Призывная повестка

Сентябрь, 1937

В тот день я, как всегда, был в булочной, принадлежавшей нашей семье. Вместе со мною там работали моя мать Анна и моя беременная жена Ингрид. Нам с Ингрид было обоим по восемнадцать лет. Мы поженились всего двумя месяцами раньше.

Я помогал моей матери вести дела в булочной уже несколько лет, и, когда я повзрослел, это стало нашим общим семейным бизнесом. Мать была рада, что часть ее забот я переложил на свои плечи.

В булочную вошли две пожилые женщины. Они долго рассматривали разные пирожные и печенье, тихо обсуждая

между собой, что им лучше купить. В конце концов они определились с выбором и сделали покупку. На выходе им услужливо придержал дверь почтальон, направлявшийся к нам.

– Я принес тебе призывную повестку, Гюнтер, – сказал он войдя.

Услышав эти слова, я почувствовал, что в один миг моя жизнь круто переменялась. Я знал, что еще два года назад в Германии была восстановлена всеобщая воинская обязанность, но относился к этому как-то отстраненно, не представляя, что это коснется меня самого.

Почтальон протянул мне маленький желтый конверт, на котором было напечатано мое имя и адрес.

– Спасибо, Вальтер, – сказал я и протянул ему пирожное: – Угощайся.

Взяв пирожное, почтальон улыбнулся:

– Спасибо, Гюнтер, – приподняв шляпу, он раскланялся с моей матерью и Ингрид и вышел из булочной.

Лицо моей матери сразу стало очень озабоченным, она посмотрела на меня с тревогой.

– Мама, все будет хорошо, – я попытался успокоить ее и заставил себя улыбнуться.

– Твой отец погиб на войне, – вздохнула она.

– Но мы сейчас ни с кем не воюем, – возразил я.

Раскрыв конверт, я начал читать повестку. В ней сообщалось, что в трехдневный срок я должен явиться на призыв-

ной пункт и что, если я не сделаю этого, меня ждет арест. Кроме того, в повестке был указан адрес моего призывного пункта, который, как оказалось, находился в нескольких километрах от нашей булочной.

Три следующих дня пролетели очень быстро. Все это время мать без конца давала мне разнообразные советы, которые, как думала она, могли помочь мне избежать армейской службы:

– Скажи им, что ты только что женился. Скажи им, что у тебя вот-вот родится ребенок...

Впрочем, сама она очень боялась, что ни один из этих доводов ничего не изменит. И мать несколько раз за эти три дня повторяла мне:

– Гюнтер, умоляю тебя, не пытайся строить из себя смельчака, если когда-нибудь окажешься на войне. Твой отец был храбрецом, и его нет с нами. А ты должен вернуться домой целым и невредимым.

Ингрид передались тревоги моей матери. Однажды вечером, когда мы были вдвоем, ее лицо стало очень серьезным и грустным. Она сказала, едва сдерживая слезы:

– Пообещай мне, что ты вернешься, Гюнтер.

– Конечно, вернусь! – ответил я с напускной веселостью. – Но тогда уж и ты тоже пообещай, что будешь меня ждать.

Она пообещала и поднесла мою руку к своему животу:

– Скажи нашему ребенку, что ты обязательно вернешься. Я поцеловал Ингрид в живот и, улыбнувшись, произнес,

обращаясь к тому, кто был внутри:

– Малыш, это говорит тебе твой папа. Я обещаю вам с мамой, что я вернусь. Мы снова будем вместе, и все у нас будет хорошо!

Ингрид провожала меня до самого призывного пункта. Когда я подошел туда, я увидел длинную очередь из молодых людей. Некоторые из них стояли со своими женами, подружками и матерями. В толпе было даже несколько маленьких детей, которых привели проводить отцов.

Я встал в очередь. Ингрид не хотела уходить и сжимала мою руку.

– Не волнуйся, нас, скорее всего, просто отправят охранять границу, – сказал я, не веря до конца в правдивость своих слов.

В те дни многие предчувствовали, что Германию ждут тяжелые испытания. Жизнь в стране круто переменялась всего за несколько последних лет. С приходом Гитлера к власти в 1933 году началось насаждение нацистской идеологии. Несогласие с правящим режимом постепенно подавлялось все жестче и жестче. В конце концов дошло до того, что даже невинная шутка о Гитлере или его партии могла привести к аресту. Впрочем, я сам был слишком молод тогда, чтобы задумываться о таких вещах. Единственное, мне бросилось в глаза, что примерно за два года до того, как я получил призывную повестку, нашу булочную перестали посе-

щать несколько евреев, которые прежде были постоянными клиентами. Но в ту пору я не придавал этому особого значения. Возможно, этим людям удалось сбежать из страны, либо же их постигла гораздо худшая судьба.

Я сам никогда не был нацистом. Но хорошо помню, что к середине тридцатых годов германский народ разделился на их сторонников и тех, кому оставалось только молчать и бояться. Нацисты были везде. Даже около призывного пункта несколько из них прохаживались в черных рубашках со свастикой на рукаве и раздавали пропагандистские листовки. Когда одну из них протянули мне, я взял ее, вежливо улыбнувшись. Мне были не нужны лишние проблемы.

Вскоре подошла моя очередь. Я крепко обнял жену:

– Ингрид, все будет хорошо. Я скоро вернусь, верь мне!

Она едва не расплакалась и в который раз сказала, что очень любит меня и будет ждать. Мы поцеловались, и я вошел в коридор призывного пункта. Ингрид смотрела мне вслед, но дверь была на пружине и захлопнулась сразу, как только я вошел.

В коридоре тоже была очередь, которая вела к массивному столу. Над столом возвышался тучный сержант. Он забирал у призывников повестки и задавал каждому из них ряд формальных вопросов.

Когда я наконец оказался возле стола, сержант спросил у меня мое имя, адрес, возраст, вес и тому подобное. Задавая вопросы, он не делал пауз. Его голос звучал монотонно, а

лицо ничего не выражало. Он даже показался мне не человеком, а некой машиной.

Все происходившее дальше также напоминало конвейер. В следующей огромной комнате мы прошли медкомиссию, по очереди переходя от одного врача к другому. После этого еще один сержант протянул мне на подпись документ, согласно которому я призывался в армию на четыре года. Мне ничего не оставалось, кроме как поставить свою подпись.

Вскоре после этого каждому из нас были выданы личные солдатские книжки, которые мы должны были постоянно носить с собой. Кроме того, мы получили специальные бланки, в которых каждый из нас должен был указать имена и адреса ближайших родственников, а также написать, чем он занимался в предыдущие годы и какими навыками владеет. Исходя из этого впоследствии определялась наша воинская специальность.

Мне не пришло в голову ничего лучше, кроме как написать, что я работал в булочной, а также что я владею навыками меткой стрельбы. Стрелять из винтовки я научился еще в школьном кружке. Преподаватель говорил, что я самый меткий мальчик из всех, с кем ему приходилось заниматься. И это действительно было так.

Когда мы заполнили все бумаги, нас выстроили во дворе позади призывного пункта. Там уже стояли армейские грузовики. Мы погрузились в них, и нас отвезли на вокзал. Вскоре мы уже сидели в поезде, который увозил нас прочь от родно-

го Гамбурга. Впрочем, наш путь продолжался всего несколько часов. А потом мы выгрузились на станции, где нас снова ждали армейские грузовики.

Уже начинало темнеть, когда мы приехали в тренировочный лагерь. Нас выстроили на плацу перед казармами. Сержант Краусс, который в дальнейшем отвечал за нашу подготовку, произнес речь, общий смысл которой сводился к тому, что он сделает из нас настоящих бойцов, которые будут стоять на страже интересов Германии, фюрера и народа. После этого нас разместили в казармах, где нам предстояло жить в течение последующих трех месяцев.

...На следующий день нам выдали униформу. В нее входили серо-зеленая полевая куртка, серые штаны, высокие, доходившие до колен, сапоги и овальный солдатский медальон, состоявший из двух половинок. Медальон нужно было носить на цепочке на шее. Кроме того, мы получили ремни и каски.

Погоны на моей полевой куртке были чистыми, без нашивок, как и положено у рядовых. На куртке было два наружных кармана и один внутренний, сделанный специально, чтобы каждый из нас мог положить в него свою личную солдатскую книжку, что я сразу и сделал.

Надпись на бляхе моего ремня гласила: «С нами Бог!» Помимо этого, на ремне размещалось три патронных сумки, в каждую из которых вмещалось по десять патронов. Также

на ремне я должен был носить со стороны спины слева выданную мне складную пехотную лопатку. Еще мне выдали вещмешок, фляжку и жестяную кружку. В общем, все как и полагается. Но было среди вещей и то, что сначала показалось мне совершенно бесполезным, – противогаз, фильтры к нему и таблетки, которые нужно было принимать в случае газовой атаки. Зачем все это нужно в мирное время? На секунду мне вспомнились опасения моей матери. Но еще через несколько мгновений все дурные мысли вылетели у меня из головы. Молодость есть молодость.

Вот что мне не понравилось по-настоящему, так это армейская стрижка. Я, конечно, и сам любил постричься коротко. Но нас, новобранцев, постригли практически совсем наголо.

Дальнейшая моя жизнь в тренировочном лагере состояла из бесконечных марш-бросков на значительные расстояния, в том числе и с полной выкладкой, разнообразных физических упражнений, теоретической подготовки и занятий на стрельбище.

Наш сержант практически сразу заметил, что я стреляю очень метко, и через некоторое время он сказал мне, что после базовой подготовки меня направят в снайперскую школу.

В нашем взводе оказалось двое парней, вместе с которыми я учился в начальной школе. Это были Антон Келлер и Михаэль Гаус. В школе мы не особо дружили, но в трениро-

вочном лагере сразу стали друзьями.

Михаэль, как и я, сразу зарекомендовал себя очень метким стрелком. Подобно мне, он был среднего телосложения, выносливым, быстрым. Его взгляд всегда был сосредоточенным и серьезным.

Антон выглядел его полной противоположностью – голу-боглазый блондин, двухметровый здоровяк, занимавшийся до армии борьбой и боксом. Улыбка никогда не сходила с его лица, он очень любил посмеяться, для этого ему достаточно было услышать малейшую шутку. Точно так же, шутя, он совершал изнурительные марши с полной выкладкой и выполнял тяжелейшие физические упражнения.

Конечно, Антон стрелял гораздо хуже нас. Но нам с Михаэлем очень хотелось, чтобы его тоже зачислили в снайперскую школу, и мы всячески старались помочь ему овладеть умением меткой стрельбы. В конце концов через несколько недель результат был достигнут. Антон попадал в цели по-прежнему хуже, чем мы с Михаэлем, но гораздо лучше, чем остальные. И сержант сказал, что Антон тоже будет зачислен в снайперскую школу.

В ходе базовой подготовки нас учили ориентированию на местности, применению различных типов оружия, а также тому, как правильно рыть окопы, противостоять танкам и что делать в случае газовой атаки.

За время подготовки мы учились бросать гранаты, стрелять из карабина K98k, винтовочного гранатомета, 80-мил-

лиметрового миномета.

Карабин Mauser K98 был достаточно тяжел. Он весил около четырех килограммов. Нам, новобранцам, после многокилометровых маршей казалось, что на плече у каждого из нас висит просто невообразимая тяжесть. Зато этот карабин был оснащен магазином на 5 патронов. Он был очень удобен для стрельбы. При закрытии затвора пустая обойма автоматически выбрасывалась из пазов. Прицельные приспособления включали в себя мушку и V-образный целик, регулируемый по дальности в диапазоне от 100 до 2000 метров. Причем мушка устанавливалась на основании в дульной части ствола в поперечном пазу, и она могла перемещаться влево и вправо для смещения средней точки попадания. Благодаря этому можно было добиться очень хорошей точности стрельбы на значительные расстояния.

А вот винтовочные гранатометы, конечно, нельзя было назвать последним словом техники. Этот тип гранатометов применялся немецкой армией еще в Первую мировую войну. Конечно, у нас были гораздо более совершенные образцы подобного оружия. Но впоследствии мне стал ясен главный недостаток всех дульных гранатометов. Дело в том, что, подготовив гранату для выстрела, ты уже не можешь выстрелить из винтовки обычным патроном, пока не выстрелишь или не снимешь со ствола гранату. Зато винтовочные гранатометы очень мало весили и были действительно эффективными в боях.

80-миллиметровые минометы сразу показали нам очень грозным оружием. В дуло их ствола пролезал кулак. Они могли стрелять минами весом более трех килограммов на расстояние более двух километров. Я сам тогда с ужасом представил, что будет, если я когда-нибудь окажусь в зоне огня подобного оружия. Впрочем, впоследствии мне пришлось пережить на войне и гораздо более страшные вещи.

Однако во время базовой подготовки мы все были еще достаточно беззаботны. Некоторые из нас, которых сержант считал подходящими для этого, осваивали особые виды оружия, такие, как огнеметы и пулемет MG-34.

MG-34 был первым в истории единым пулеметом, который вплоть до 1942 года официально являлся основным пулеметом не только пехоты, но и танковых войск Вермахта. MG-34 мог использоваться как в качестве ручного пулемета на уровне пехотного взвода пехоты, так и в качестве станкового на уровне батальона. При этом данный пулемет стрелял такими же 7,92-миллиметровыми патронами, что и карабин K98k.

Помимо всего этого, нас также учили, как сражаться в рукопашном бою с помощью винтовочных прикладов и саперных лопаток.

Когда три месяца базовой подготовки подошли к концу, я вместе с Антоном и Михаэлем был направлен в снайперскую школу. Там мы провели еще полтора месяца. Здесь наши тренировки состояли преимущественно из стрельбы. Мы

учились вести прицельный огонь со значительных расстояний, пользуясь оптическим прицелом.

Кроме того, нас обучали выбору приоритетных целей. Прежде всего мы должны были поражать вражеских снайперов. Затем артиллерийских наводчиков и офицеров. Следующей нашей целью должны были становиться артиллеристы, минометчики и пулеметчики. А уж в самую последнюю очередь от нас требовалось стрелять по обычным солдатам-пехотинцам.

Помимо этого, нас учили маскироваться на местности, используя естественные средства, такие, как ветки, листья и даже грязь. Но, честно говоря, последующее участие в войне научило меня способам маскировки гораздо лучше, чем обучение в снайперской школе.

Но что самое ценное – инструктор научил нас незыблемому правилу, от которого зависит выживание снайпера, хотя оно и не всегда применимо в боевых условиях.

– Запомните, – повторял он без конца. – Если вы сделали выстрел, то должны тут же сменить позицию. В противном случае любой из вас тут же превратится в легкую мишень для снайпера противника.

После завершения снайперского обучения я получил свой первый отпуск. Это позволило мне на две недели вернуться домой.

Мать и Ингрид были ужасно рады моему приезду. А я был горд собой, ведь над левым локтем у меня красовался шев-

рон из серебристого галуна на темно-зеленом треугольном клапане. Дело в том, что после окончания снайперской школы мне было присвоено звание – ефрейтор. Более того, поскольку армейская служба оплачивалась, то я вернулся домой с некоторой суммой денег. Большую часть из них я отдал Ингрид, оставив лишь немного себе на пиво.

Двухнедельный отпуск прошел головокружительно быстро. И я снова прощался с матерью и Ингрид, снова садился на очередной поезд. На этот раз местом моего назначения была военная база под Берлином. Там я и провел несколько последующих месяцев.

Ингрид родила сына в июне. Как я и хотел, она назвала его Куртом. Ему не успел еще исполниться месяц, как я получил второй отпуск. Сначала я даже немного боялся подойти к нашему крохе, лежавшему в люльке, таким маленьким он мне казался, хотя и весил почти четыре килограмма. Но, безусловно, я был очень рад, что у меня родился сын, что у меня есть любящая жена, что моя мама стала бабушкой... Но отпуск заканчивался, мне пора было возвращаться в строй.

Успокаивая мать и Ингрид, я сказал им, что еду просто охранять Берлин. Наверное, я и сам верил в это тогда. Я не знал, что история неумолимо движется к грандиозным и страшным событиям, одним из участников которых мне суждено было стать.

Глава вторая. Аннексия Судет

Сентябрь, 1938

После Первой мировой войны Судетская область входила в состав Чехословакии и составляла едва ли не треть всей площади страны. На территории этой области проживало 3,5 миллиона этнических немцев. Уже в начале 1938 года Гитлер постоянно заявлял в своих речах о том, что немцев в Чехословакии всячески притесняют. В те дни я не раз слышал по радио и читал в газетах о том, что судетские немцы живут в невероятной бедности и подвергаются гонениям со стороны чехов, а также что именно в Судетской области самый высокий во всей Европе процент не только по числу самоубийств, но и по детской смертности.

Вскоре после того, как в марте 1938 года Австрия без единого выстрела была присоединена к Германии, немцы, жившие в Судетской области, стали требовать провести референдум, на котором население Судет смогло бы решить само, оставаться ли этой области в составе Чехословакии или войти в состав Германии. Однако референдум так и не был проведен. Более того, правительство Чехословакии вскоре ввело войска в населенные немцами районы и объявило военное положение на их территориях.

Живя в Германии, мы постоянно слышали в те дни пропаганду о том, что Гитлер это так не оставит и сделает все,

чтобы судетские немцы перестали терпеть бесчинства чехов и снова жили «в одном доме с нацией». И действительно, 29 сентября 1938 года в Мюнхене было составлено соглашение, подписанное на следующий день премьер-министром Великобритании Невиллом Чемберленом, премьер-министром Франции Эдуардом Даладье, премьер-министром Италии Бенито Муссолини и самим Адольфом Гитлером. С этого момента Судетская область была формально передана в состав Германии.

Я оказался в составе войск, которые должны были войти на территорию Судет. В одном грузовике со мною ехали Антон, Михаэль и еще семнадцать других снайперов. Все вместе мы составляли особый снайперский взвод.

Наш грузовик двигался позади колонны легких танков. Каждый из нас не выпускал из рук свой карабин. У нас были обычные армейские карабины K98k, дополненные штык-ножами и оптическими прицелами. Впрочем, наши оптические прицелы лишь с большой натяжкой можно было назвать подходящими для снайперов. Эти прицелы давали только 2,5-кратное увеличение, чего было явно недостаточно для прицельной стрельбы со значительных расстояний.

Некоторые из моих сослуживцев пытались разговаривать друг с другом и даже шутить. Но это плохо получалось. Сказывалось нервное напряжение. Командовавший нашим взводом сержант Бергер заранее предупредил нас, что если в операции возникнут осложнения, то самая непростая работа

будет возложена именно на нас. Сначала все мы восприняли это с юношеской бравадой. Но чем дольше продолжался путь, тем сильнее нас охватывали неприятные предчувствия. Я сам очень боялся, что меня могут ранить. А вдруг меня ранят так, что врачам придется отрезать мне руку или ногу? Как я тогда смогу помогать матери и Ингрид, вернувшись домой? О том, что кого-то из нас могут убить, у меня – да, скорее всего, и у всех остальных – даже мысли не было. Мы ведь еще ни одного боя не видели, не понимали, что на войне убивают по-настоящему. Тем не менее неприятно было на душе. Мои друзья Антон и Михаэль тоже молчали, глядя в пол.

Сержант Бергер ехал верхом на лошади позади нашего грузовика. Он был родом из Австрии, ему было уже за сорок. Он успел еще в Первой мировой поучаствовать. Его лицо казалось очень спокойным, и это вселяло в нас уверенность в подобной ситуации.

Через некоторое время наш грузовик неожиданно остановился. Я высунулся из кузова и увидел, что сержант Бергер подъехал к кабине водителя, чтобы выяснить причину остановки.

Примерно через минуту я понял, в чем было дело. Наш грузовик начал объезжать заглохший посреди дороги танк. В течение следующих двух часов пути, выглядывая из кузова, я насчитал еще около десяти сломавшихся немецких танков, которые не могли продолжать движение. А ведь это

были новейшие машины наших конструкторов! Увиденное неприятно поразило меня. Что будет, если подобное случится во время боя? Впрочем, я держал свои мысли при себе.

Прошло еще несколько часов, и мы пересекли границу Чехословакии. Когда мы въехали на территорию Судетской области, я ожидал, что нас будут встречать с цветами. Во всяком случае, до этого нам не раз рассказывали о том, что именно так встречали немецкие войска, входившие в Австрию.

Однако в Судетах жители не бросали цветы немецким солдатам. Конечно, многие местные немцы с радостью встречали нашу войсковую колонну. Но периодически мы замечали и хмурые, недовольные взгляды. Причем так на нас смотрели не только чехи, но иногда и судетские немцы. Это заставило меня задуматься. Нам ведь говорили, что все немцы в Судетской области ждут нас как избавителей. В действительности оказалось, что многим из них в Чехословакии жилось вовсе не так плохо, как описывал Гитлер. Я окончательно убедился в этом за то время, пока находился в Судетской области в составе оккупационных войск. При этом, конечно, многие судетские немцы на самом деле хотели, чтобы их территории снова вошли в состав Германии, но обусловлено это в большинстве случаев было скорее идеологическими мотивами, чем пресловутыми притеснениями со стороны чехов.

Естественно, тогда, в молодости, я сформулировал все это для себя вовсе не так четко. Но мне было ясно, что между

действительностью и словами властей есть значительная разница. Однако я не говорил об этом даже Антону и Михаэлю. Я не был борцом по натуре, не был оппозиционером. Я был обычным, нормальным человеком, и мне были не нужны неприятности.

Вопреки нашим дурным предчувствиям, в Чехословакии мы не встретили никакого вооруженного сопротивления. Более того, за время моего нахождения там в составе оккупационных войск также не произошло никаких инцидентов.

За этот период я получил даже короткий отпуск домой. Впрочем, даже дома я очень осторожно рассказывал об увиденном. И дело не в том, что я не доверял матери и Ингрид. Но они невольно могли сболтнуть лишнее, а это навлекло бы беду не только на меня, но и на них. Единственное, я как-то раз между делом обмолвился о том, что прицелы на наших карабинах мало пригодны для снайперской стрельбы. И, что самое удивительное, мои близкие помогли мне решить эту проблему.

В последний день перед возвращением в армию я получил два подарка: от матери и Ингрид. Первый из них представлял собой небольшой медальон, в котором было две фотографии – Ингрид и нашего ребенка. А вот второй подарок заставил меня буквально открыть рот от удивления. Это был цейссовский оптический прицел шестикратного увеличения. В то время подобные прицелы еще не производились для штатного армейского стрелкового оружия. Но мать по-

советовалась с боевым другом моего отца, и тот помог ей выбрать такой оптический прицел для охотничьих карабинов, чтобы его можно было без проблем установить на мой карабин K98k. Впоследствии оказалось, что этот оптический прицел действительно идеально подходил для снайперской работы. Боюсь, что моей бедной матери пришлось истратить на него значительную часть своих сбережений. Но она действительно очень любила меня, как и я ее.

С мыслями о доме мне было нелегко возвращаться в строй. Тем не менее присяга обязывала меня, и через несколько дней я уже был на нашей военной базе в Судетах. Там я получил обратно свой карабин. Мне потребовалось совсем немного времени, чтобы закрепить на него новый прицел. Я установил его достаточно высоко, чтобы иметь возможность в случае необходимости вести огонь, не пользуясь оптикой. После этого я решил пристрелять свой карабин. Выяснилось, что с новым прицелом я могу без труда поражать мишени на расстоянии более трехсот метров, а то и гораздо дальше. Это привело меня в восторг, хотя я еще до конца не представлял, насколько ценным окажется подобный прицел в боевых условиях.

В Судетской области я пробыл еще несколько месяцев. А 15 марта 1939 года я снова оказался вместе со своим взводом в кузове армейского грузовика. Гитлер решил подчинить себе основную часть территории Чехословакии. Немецкие войска вошли в Прагу огромными колоннами, состояв-

шими из танков, бронетранспортеров, грузовиков и другой техники.

На этот раз наш боевой дух был предельно высок. Мы были уверены, что все пройдет без сучка без задоринки, поскольку знали: чехи – не бойцы! Однако увиденное превзошло даже наши самые смелые ожидания. Чехи встречали нас в Праге, вскидывая руки в германском армейском салюте и крича: «Хайль Гитлер!» Меня это крайне поразило. Я не верил, что все здесь чисто. И я оказался прав. У Михаэля был друг, который служил в войсках СС. Так тот за рюмочкой шнапса вскоре проболтался Михаэлю. Мол, чехи были предупреждены, и если бы они не салютовали так яростно, то их бы ждала очень незавидная судьба. Думаю, как раз эсэсовцы тогда бы и приняли самое активное участие в расправе над чехами.

Надо сказать, войска СС в Германии считались элитными. По большому счету, они действительно были таковыми. За последующие годы войны я не раз убеждался, что ребята из СС могут сделать невозможное там, где войска Вермахта оказываются бессильны. Как солдаты эсэсовцы были почти безупречны, и за это их нельзя было не уважать. Но был еще один строгий критерий отбора в эти войска – беззаветная преданность Гитлеру и соответствующим идеалам. Лично я от этих идеалов всегда был далек, хотя мое отношение к Гитлеру и изменилось через некоторое время в лучшую сторону, но без фанатизма. Наверное, этим и объясняется, что за

всю войну я так и не сошелся близко ни с кем из эсэсовцев.

Подобно Судетской области, столица Чехословакии сдавалась нам без кровопролития. Что удивительно, впоследствии я узнал, что у чехов была неплохо развита военная промышленность. Однако после происшедшего все их заводы, производившие вооружение, перешли в руки немцев.

Мне до сих пор непонятен и удивителен тот факт, что чехи, обладавшие танками, артиллерией, противотанковыми орудиями и разнообразным стрелковым оружием, не оказали нам никакого сопротивления. В результате все их вооружение также перешло к Вермахту. Впрочем, нас, солдат, подобный исход более чем устраивал. У нас ведь и потерь не было, и героями себя ощущали: как-никак даже без боя нам враг сдается.

В Праге я пробыл еще пять с половиной месяцев. Все это время я писал домой по несколько раз в неделю. Я очень скучал по своей семье и переживал, что первый год жизни моего сына не проходит у меня на глазах. Однако я утешал себя тем, что моя служба идет более чем спокойно. Прага в те дни была вполне приветливым для нас городом. А когда нас отпускали в увольнения, мы могли даже позволить себе пофлиртовать с прекрасными пражанками. Впрочем, я любил свою жену, и поэтому у меня лично дальше флирта дело не заходило. Но, так или иначе, я надеялся, что остальной срок моей службы пройдет столь же легко.

Надо сказать, для подобных надежд у меня были все осно-

вания. В мае 1939-го Гитлер подписал соглашение с Италией, в результате чего эта страна стала официальным союзником Германии. Немного позднее, 23 августа 1939 года, был заключен пакт о ненападении между Германией и Россией. Через несколько дней после этого я узнал, что наша дивизия окажется в числе войск, которые войдут в Польшу. Это не вызвало у меня никаких опасений. Я был уверен, что там повторится то же самое, что было в Чехословакии. Единственным неудобством был приказ, запрещающий говорить кому бы то ни было о предстоящей операции.

Соответственно, мне очень сложно было написать последнее перед этой кампанией письмо домой. Я написал его в общих словах. Сказал, что служба моя идет так же хорошо, как и прежде, и что я очень скучаю по матери, Ингрид и нашему маленькому ребенку.

Ночью 1 сентября 1939 года я находился в грузовике, который ехал по территории Чехословакии, но неумолимо приближался к польской границе. До рассвета оставалось еще несколько часов.

Глава третья. Вторжение в Польшу

Сентябрь, 1939

Наша колонна стояла примерно в двадцати километрах от польской границы. Ровно в четыре часа утра мы начали двигаться в сторону Польши. Сидя в грузовике, мы шутили о том, насколько ретиво поляки будут салютовать и кричать: «Хайль Гитлер!» Но через некоторое время я заметил, что лицо сержанта Бергера (на этот раз он ехал вместе с нами в кузове грузовика) выглядит вовсе не столь беззаботным, как наше настроение. Это вселило в меня неприятные опасения. Через некоторое время мы слышали где-то в воздухе рев моторов.

– Это польские самолеты, – сухо пояснил сержант.

– А что, у них еще и самолеты есть? – удивился Антон, продолжая беззаботно улыбаться.

Михаэль был настроен столь же оптимистично. А мне как-то не по себе стало. Но тем не менее я себя в руках держать умел. А одного из наших снайперов вдруг паника охватила ни с того ни с сего. Он даже вскочил со своего места, потом снова сел. Я тогда подумал, что сержант Бергер сейчас на него заорет. Но это, естественно, ни к чему хорошему не привело бы. А сержант наш был стреляным воробьем, он сказал:

– Это хорошо, что хоть кого-то из вас охватывает страх. Страх поможет вам быть осторожными и сохранит вам

жизнь, если все пойдет не так хорошо, как прежде. Только не забывайте, что трусы умирают первыми. Контролируйте свой страх.

Возможно, речь сержанта Бергера была и не столь пафосной, но общий смысл сказанного был именно таким, и я запомнил его слова именно так. И знаете, это очень помогло мне во всех последующих боях.

Тем не менее большинство из нас тогда не придавало значения словам сержанта. Мы ехали в Польшу, чтобы быть победителями. В грузовике снова раздавались шутки.

В 4.50 мы пересекли реку Одру, по которой проходила польская граница. Впереди нас шли танки, за нами тянулись другие дивизии. Конечно, из грузовика я не мог даже приблизительно оценить численность войск. Но рев моторов нашей техники был очень сильным, и у меня возникло ощущение, что против Польши брошены значительно более серьезные силы, чем при вторжении в Чехословакию.

Когда мы пересекали границу, я подумал о том, что сейчас поляки откроют огонь. Но этого не произошло. Они то ли не ждали нас, то ли не собирались сопротивляться...

Тишина, заглушаемая только ревом моторов, казалась бесконечной. Я не знаю, сколько это продолжалось. Возможно, час, а может быть, и два. Но затем вдруг где-то вдаль раздалась орудийные залпы и выстрелы из стрелкового оружия.

– Поляки скоро вместо «Отче наш» будут повторять: «Хайль Гитлер!» – Антон запнулся, едва успев договорить

свою шутку.

Грохот выстрелов и взрывов раздавался все ближе. Не успели мы опомниться, как сержант Бергер заорал приказ: – Всем на выход! Открыть огонь по полякам!

Мы начали спешно выпрыгивать из грузовика. Рассвет только начинался. Но и в полусумраке я смог разглядеть поляков, которые вели огонь по нашей колонне. Они использовали как прикрытие неровности местности, деревья и несколько крестьянских домов, находившихся поблизости. Поляков было очень много, но, видимо, наше появление застало их врасплох, и поэтому они не успели даже вырыть окопы. У них только и было что несколько выкопанных наскоро пулеметных ячеек. Здесь надо сказать, что помимо стрелкового оружия у врагов были пулеметы и легкие противотанковые пушки. Но, что самое интересное, позади основных сил поляков я увидел множество людей на лошадях. Еще когда мы ехали в грузовике, сержант говорил нам, что у поляков есть кавалерия, которая считается у них элитным родом войск.

Людей на лошадях было очень много. Возможно, целый кавалерийский полк. Но они в нерешительности стояли на месте и не спешили устремляться в атаку. Я думал об этом впоследствии: а что еще они могли сделать? Кидаться с саблями на танки было бы смешно. У нас, конечно, ходила такая байка, будто польские уланы пытались с саблями нашу бронетехнику атаковать. Но, мне кажется, это всего лишь байка,

я сам ни разу такого не видел.

Тем не менее польская пехота вела по нам очень плотный огонь. Их пулеметы не замолкали, их пушки сумели подбить два или три наших танка.

Нам пришлось прятаться за нашей бронетехникой. Это спасло не всех. И уже раздавались крики раненых немецких бойцов. Естественно, появились и первые убитые. Я не думал об этом. Я даже забыл о том, что я снайпер. Я просто беспорядочно стрелял в сторону поляков. То же самое делали и остальные ребята из моего взвода.

Так продолжалось несколько минут, пока сержант Бергер не заорал на нас:

– Вы снайперы или кто? А ну-ка, уничтожьте польских пулеметчиков!

Услышав такой окрик, я сразу пришел в себя. Через несколько мгновений в перекрестии моего прицела появился человек, стрелявший по нам из пулемета. Я нажал на спусковой крючок. Сквозь оптический прицел я увидел, что к пораженному мной поляку подскочил еще один солдат, а другой поляк занял место павшего товарища, чтобы вместо него вести огонь из пулемета. Этого нельзя было допустить, и мне ничего не оставалось делать, как передернуть затвор и снова нажать на спусковой крючок. Так продолжалось еще несколько раз. У меня единственного во взводе был оптический прицел, позволявший убивать врагов на таком расстоянии в рассветных сумерках. Я впервые в жизни убивал жи-

вых людей. Но я не думал об этом. Следующей моей целью стали артиллеристы, которые стреляли из противотанкового орудия по нашей бронетехнике. Первому я попал точно в грудь, а потом убил и ранил еще нескольких из них. А еще через десять-пятнадцать минут бой затих. Наши танки сделали свое дело, они подошли вплотную к позициям врага, и поляки обратились в бегство.

– Мы победили! – кричали ребята из моего взвода.

А меня рвало, я думал о том, что впервые в жизни от моей руки погибли люди. Ко мне подошел сержант Бергер. Он сказал:

– Ладно, Гюнтер, ты должен был пройти через это. Двадцать лет назад меня тоже рвало, когда я впервые убил человека. Но ты спас своих товарищей. А это самое главное. Запомни: если ты пожалеешь врага, это может стоить жизни твоему другу или даже тебе самому. Ты ведь даже не за Гитлера здесь воюешь, не за Германию, а за своих друзей и за самого себя. – Последние слова сержант Бергер произнес шепотом, так что я был единственным, кто мог их услышать.

Знаете, я потом не раз думал об этом во время войны и после нее. Я уверен, что он был прав.

За время боя мои друзья Антон и Михаэль также сумели подстрелить нескольких поляков. Но они переживали это легче, тем более что они сумели убить все-таки меньше людей, чем я. А я один только убил пять или шесть человек, да и ранил, наверное, не меньше. На лицах Антона и Миха-

эля была растерянность, но не более того. В моем взводе все остались живы, но несколько из наших ребят были ранены. Вокруг них тут же засуетились медики.

– А вы поможете раненым полякам? – задал я наивный вопрос.

– Извини, парень, но твои поляки уж на твоей совести будут! Нам приказали помогать только немцам, – ухмыльнулся мне один из медиков. Видимо, он уже услышал, что я проявил особенную меткость в этом бою.

Меня снова затошнило, но я сдержался. Рядом со мной стоял Михаэль. Посмотрев на него, я понял, что его тоже покорибили слова медика. Но Михаэль молчал.

Осмысливать происшедшее было некогда. Раздался приказ преследовать отступающих поляков. Мы устремились вперед, переступая через тела врагов, через трупы наших товарищей. Некоторые из поляков были еще живы и не прекращали стонать. Мы с Михаэлем едва не споткнулись о тело польского солдата, который истошно орал, оставшись без обеих ног.

– Ему никто не поможет, он будет долго мучиться, – тихо сказал Михаэль и направил на поляка свою винтовку.

После нескольких секунд колебаний Михаэль выстрелил. Меня снова затошнило. Но в той ситуации поступок Михаэля был действительно проявлением милосердия. Посмотрев на него, я увидел, что Михаэль весь трясется.

Наши танки гнали польскую кавалерию и остатки пехоты

до самого пригорода Калица. При этом пулеметы танков не умолкали. Мы следовали за танками и тоже периодически делали выстрелы. Время от времени какой-нибудь отряд отступающих поляков занимал по пути более-менее удобные для обороны позиции, и тогда завязывался короткий бой. Но они были обречены. Они ничего не могли сделать против лавины наших танков. В результате весь наш путь к городу Калицу был усеян трупами лошадей и людей. На окраине мы получили приказ остановиться. Тут же я услышал рев самолетов. Наши бомбардировщики летели бомбить город.

Поговорив с нашим лейтенантом, сержант Бергер сказал нам:

– Мужики, теперь вы можете отдохнуть, пока наша авиация окончательно не уничтожит польскую артиллерию в северной части города. – Он улыбнулся: – Вы вполне заслужили хотя бы короткий отдых.

Мы все уселись прямо на траву. Однако наш сержант не хотел, чтобы у поляков был хоть малейший шанс застать нас врасплох. Поэтому четырех из нас он выставил в караул. Я оказался в числе этой четверки. Мы устроились за валуном на небольшом холме, находившемся рядом с местом, где расположился взвод. В бинокль мне был отлично виден пригород Калица. Я рассматривал одноэтажные дома, которые выглядели гораздо менее добротными, чем у нас в Германии. Что-то заставило меня подумать о собственном доме, о семье. Моему сыну шел уже второй год, а я даже не видел, как

он делал первые шаги. Я вспомнил Ингрид. Я снова вспомнил слова матери о том, что я не должен быть излишне храбрым, должен беречь себя. Все это заставило меня отвлечься от мыслей и сосредоточиться на наблюдении. Это было самым правильным, если я хотел остаться целым.

Пригород Калица был безлюден. В небе над городом по-прежнему кружили самолеты, грохот взрывов не смолкал. Полякам, очевидно, было совсем не до того, чтобы атаковать нас. Я понял, что скоро мы начнем штурмовать город.

Однако, видимо, произошла какая-то заминка. Возможно, это было связано с вышедшими из строя танками. Впрочем, я могу лишь предполагать. Простых солдат не посвящали в подобные вещи. Но, так или иначе, сержант Бергер через некоторое время отдал нам приказ окапываться. При этом основная часть взвода рыла окопы, а четыре человека по-прежнему дежурили на случай атаки поляков. Те, кто работал лопатой, периодически менялись с теми, кто дежурил.

Когда все было готово, я разместился в одном окопе с Антоном и Михаэлем. Мы обсуждали подробности пережитого боя. Антон не переставал восхищаться тем, как быстро поляки отступают под натиском нашей техники. Нас с Михаэлем также устраивал подобный расклад, хотя наше настроение и не было столь беззаботным.

Через некоторое время Антон заговорил о том, какой я молодец, что уничтожил столько поляков.

– Я впервые в жизни убил живых людей, – только и смог

ответить я на это.

– Надо к этому относиться легче, – сказал Михаэль, хотя по его лицу было видно, что он тоже относится к этому не слишком легко.

Антон начал горячо убеждать нас:

– Это же вражеские солдаты! Поляки хотели истребить всех немцев, которые жили в Польше. Мы просто опередили их.

После Чехословакии я уже не слишком доверял подобной пропаганде. Но я не стал переубеждать Антона. Во-первых, это было опасно, ведь меня мог услышать и кто-нибудь еще. Во-вторых, я знал, что моему товарищу будет, безусловно, легче, если он будет думать так, как он думает.

Через некоторое время сержант Бергер объявил нам, что полевые кухни отстали от войск и ужинать нам придется сухими пайками. Мы начали доставать их из своих рюкзаков. Наш сухой паек состоял из 750 граммов хлеба, 45 граммов масла или жиров, 120 граммов сосисок (сырых или консервированных), а также рыбных консервов, сыра и 200 граммов джема или искусственного меда. Кроме того, нам ежедневно выдавали по 7 сигарет или по 2 сигары и по одному небольшому пакетику леденцов.

Мы поужинали, запивая еду водой из полевых фляжек, которые висели у нас на поясе. Ночью меня не назначили в караул, но, когда объявили отбой, я думал, что все равно не смогу заснуть. Мне казалось, что у меня перед глазами

без конца будут крутиться убитые мной поляки, а также вражеский солдат, оставшийся без ног, которого застрелил Ми-хаэль. И действительно, я некоторое время думал обо всем этом. Но вскоре усталость взяла свое, и я уснул без снов. За-мечу, на войне мне никогда не снились бои. Видимо, в че-ловеческом мозге есть какой-то механизм, который в подоб-ных ситуациях помогает человеку хотя бы во сне отдыхать от войны. Бои и смерти начали мне постоянно сниться только несколько лет спустя.

Утром нас разбудил голос сержанта Бергера.

– Подъем! – кричал он, переходя от окопа к окопу.

Когда я вылез из своей траншеи, то увидел, что к лагерю уже подъехал грузовик полевой кухни. На завтрак нам вы-дали картофель с овощами и сосиски, те же самые, как в су-хом пайке, только горячие. Мы все сразу с радостью набро-сились на теплую еду. Помимо нее мы также получили по чашке горячего эрзацного кофе. А еще мы смогли наполнить водой наши опустевшие фляжки, и нам выдали сухие пайки на несколько последующих дней.

Пока мы завтракали, наша артиллерия, которую за ночь стянули к Калицу, начала артподготовку. Антон был весел. Он считал, что после вчерашней авиабомбардировки и се-годняшней артподготовки поляки сами побегут сдаваться к нам в плен.

– Да, так было бы лучше для них самих, – согласился с

ним Михаэль.

Однако у меня самого на душе было вовсе не так спокойно. А что, если поляки решат продолжить сопротивление? Это означало, что нам придется вести бои в городе, где от противника нас будет отделять всего несколько домов, а возможно, еще и меньшее расстояние. В подобной ситуации снайпер рискует жизнью ничуть не меньше, а, возможно, даже больше, чем обычный солдат. Тем не менее я собрал свою волю в кулак. А то, что я заранее был готов к худшему, сослужило мне хорошую службу во время последующего боя.

Перед началом атаки каждому из нас выдали по семь патронов. Все мы были поражены столь малым количеством. Я сам за прошлый день израсходовал более двадцати патронов, а ведь далеко не все мои товарищи тратили их столь же экономно. Впрочем, причин для беспокойства пока не было, у каждого из нас оставался еще определенный запас патронов, выданных нам перед началом операции. У меня самого вместе с семью новыми получалось в результате около сорока патронов.

Танковая дивизия объехала город с восточной стороны и исчезла за горизонтом, двигаясь в северо-западном направлении. Я понял, что входить в Калиц нам придется без поддержки танков. Что ж, я уже был готов к этому.

Мы продвигались, перебегая от здания к зданию. Поначалу мы вовсе не встречали противника на своем пути. Но через несколько минут, во время очередной остановки, я вдруг

увидел винтовочные стволы, торчащие из окон дома, находившегося метрах в пятидесяти от нас. Я заорал:

– Ложись! – И спешно рухнул на землю.

Многие ребята из моего взвода тут же последовали моему примеру. Но некоторые продолжали двигаться вперед, указывая пальцами на меня, словно я был сумасшедшим. Через считанные секунды поляки обрушили на них буквально град пуль.

Враги стреляли из нескольких соседних домов. Выйдя из оцепенения, я открыл ответный огонь. Расстояние было очень небольшим, а поляки вовсе не ожидали, что им придется столкнуться со снайперами. Я просто наводил перекрестие своего оптического прицела на голову очередного врага и нажимал на спусковой крючок. Словно в кино, почти после каждого моего выстрела по поляку из окна выпадала его винтовка. Остальные ребята из моего взвода также начали стрелять по врагам. Еще через минуту нас поддерживали огнем пулеметчики из соседнего взвода. Когда я израсходовал уже второй магазин, наконец появились наши минометчики. Мины, выпущенные из их 80-миллиметровых минометов, обрушились на здания, в которых засели поляки. Загрохотали взрывы.

В очередной раз сменив магазин, я позволил себе бегло оглядеться по сторонам. Я увидел, что среди моих товарищей уже появились убитые и раненые. Некоторые были ранены в живот, они корчились на земле и стонали. Но их сто-

нов было неслышно за грохотом боя. Одному из наших пулеметчиков пуля вошла в горло прямо на моих глазах, когда он пытался вставить новую ленту в свой MG-34. Этот боец упал, хватая себя за горло и дергаясь в конвульсиях. Другой боец, находившийся рядом, лишь взглянул на него и, видимо, решив, что тут уже не поможешь, подполз к его пулемету, вставил ленту и открыл огонь по полякам.

Когда наши минометы практически разнесли на кирпичи и щепки здания, в которых прятались польские солдаты, интенсивность вражеского огня значительно ослабла. Я понимал, что имевшегося у меня количества патронов мне явно не хватит, если дальше все будет продолжаться в том же духе. Поэтому я решил рискнуть и подполз к нескольким из наших убитых, чтобы забрать оставшиеся у них патроны. В результате я изрядно пополнил свои запасы и даже поделился частью из них с Михаэлем.

Наш полк продолжал продвигаться в глубь города. Все чаще нам на пути попадались горящие и уже выгоревшие здания. Это было результатом бомбежки и утренней артподготовки. Улицы были окутаны дымом. Я кашлял от скопившейся в воздухе гари.

Большинство уцелевших домов стояло без крыш и без стекол в окнах. На развороченных бомбами и снарядами тротуарах валялось множество трупов. В основном это были поляки — как из военных, так и из гражданского населения. Большинство из них было убито осколками.

Мне на пути попало то, что осталось от польского пулеметного гнезда. Там было месиво из тел двух или трех поляков. В их пулеметную ячейку угодила бомба или снаряд, и на месте ячейки осталась воронка.

Выстрелы и взрывы раздавались со всех сторон. Поляки отступали под нашим натиском. Но некоторые из них оставались на позициях, чтобы прикрыть отход товарищей. Тем не менее мы продолжали упорно продвигаться в глубь города.

По пути мы забежали в здания, чтобы осмотреть их и не дать возможности польским солдатам ударить по нам с тыла. В одном из домов я увидел двух испуганных женщин. Они были напуганы до того, что не могли даже плакать. А на плачущих женщин мы натыкались постоянно. Они словно ждали, что мы в любую секунду начнем их убивать или насилловать. Некоторые из них были с детьми, некоторые из них были ранены. А одна женщина даже накинута на нас с кулаками. Мы оттолкнули ее. Но никто из нас даже не ударил ее. Мы не были варварами, мы все были удручены увиденным.

Однако бой продолжался. И чтобы выжить, нельзя было брать в голову подобные вещи. Когда наш взвод продвинулся к центру Калица, мы слышали грохот тяжелых пулеметов.

Поляки хорошо укрепились в этой части города и продолжали держать здесь упорную оборону. Немецкие пехотинцы из других взводов, ища укрытия, начали занимать дома, окружавшие центральный район города. Я продвигался впе-

ред, находясь рядом с Михаэлем, Антоном и сержантом Бергером. Когда мы достигли дома, который был уже занят нашими, я увидел немного впереди, в узком проходе между домами, лежавшие рядом трупы немецких солдат. Их было около десяти. Вероятно, их всех неожиданно накрыло пулеметным огнем.

Сержант Бергер приказал одному из наших стрелков подползти туда и разведать ситуацию.

– Там пулеметное гнездо. – Доклад стрелка подтвердил наши опасения.

– Как далеко? – уточнил сержант Бергер.

– Около двухсот метров.

Сержант перевел взгляд на меня и Антона.

– Разберитесь с этим, – приказал он.

Что ж, приказ есть приказ.

– Антон, за мной! – сказал я другу.

И мы поползли, держа перед собой свои карабины. Когда мы подобралась к трупам и увидели направленные прямо на нас стволы двух польских тяжелых пулеметов, мне стало по-настоящему страшно. Но я успокоил себя тем, что наша униформа ничуть не отличается от униформы убитых и это должно нас хоть как-то маскировать.

– Надо стрелять одновременно, – шепнул мне Антон.

– Хорошо, – ответил я, мгновенно оценив разумность его решения. – Я – в левого, ты – в правого.

Мы осторожно высунули стволы своих винтовок, устано-

вив их на трупы. Это был самый опасный момент. Если бы поляки заметили блики от наших оптических прицелов, нам обоим был бы конец. Но, к счастью, этого не произошло. Мы с Антоном навели перекрестия прицелов на пулеметчиков.

– Раз, два, три! – мы оба одновременно нажали на спусковые крючки. Моя пуля вошла в верхнюю часть лба польского пулеметчика. Я целился на несколько сантиметров ниже, но не учел расстояние до цели. Тем не менее враг все равно был уничтожен. Выстрел Антона был не менее точным.

– Мы сделали это! – закричал он.

– Не отвлекайся! – заорал я, стреляя по другому польскому бойцу, который хотел подскочить к пулемету вместо павшего товарища. Следом прогремел выстрел Антона. Он промахнулся. Возможно, дело в том, что его оптический прицел был значительно хуже моего. Впрочем, оставшийся в живых поляк после этого не стал предпринимать попыток подползти к пулемету, а в панике побежал прочь. Антон настиг его следующим выстрелом.

Мы переглянулись. У нас обоих горели глаза и было полно адреналина в крови. Мы сумели ликвидировать опасность, исходившую от пулеметного гнезда.

– Следи за улицей! – бросил я Антону, а сам обернулся.

Сержант Бергер смотрел на нас из-за угла здания. Кивком я дал ему понять, что задание выполнено. Он кивнул мне в ответ, и наш взвод снова начал продвигаться вперед.

Когда сержант Бергер поравнялся с телами немецких сол-

дат, убитых польскими пулеметчиками, он отломал половинки от их солдатских медальонов. (Немецкие солдатские медальоны состояли из двух половинок, одна из которых должна была оставаться на теле убитого, а другая забиралась для занесения бойца в списки погибших.)

– Придурки желторотые! Что ж они всем скопом, не глядя, поперли... Хотя бы матерей своих пожалели, – не сдержался сержант. Несмотря на грубые слова, было видно, что ему очень жалко убитых.

Но через миг его лицо снова было суровым и напряженным. Сержант Бергер достал бинокль и внимательно осмотрел простиравшуюся перед нами улицу.

– Эти черти засели в тех двух соседних бетонных зданиях, – сказал он, продолжая наблюдение. – Их будет не так-то просто оттуда выкурить. У них есть пулеметы...

«Что же нам делать?» – вертелось у меня в голове. И тут я увидел офицера в чине капитана, направлявшегося прямо к нашему сержанту. Вместе с офицером было около восьми пехотных взводов. Он начал расспрашивать сержанта Бергера о ситуации на нашем участке.

Выслушав его доклад, капитан сказал:

– Сержант, вы хорошо поработали. А смогут ли ваши снайперы прикрыть нас, если мы попробуем взять эти бетонные здания?

– Да, капитан, – ответил Бергер.

– Отлично. Убивайте каждого поляка, который отважится

высунуть хотя бы голову!

— Так точно. — На лице Бергера на мгновение проступила озабоченность.

А еще через мгновение он повернулся ко мне и к стоявшим рядом со мной Антону и Михаэлю:

— Ну что, ребята, покажем врагам, как умеют сражаться германцы?

— Мы сделаем все, что от нас зависит, — за всех ответил Антон, улыбнувшись.

И нам с Михаэлем вдруг передался его оптимизм. Наш взвод пополз вперед. В качестве прикрытия я решил использовать ту самую ячейку, которую вырыли польские пулеметчики. Михаэль и Антон устроились за углом дома неподалеку от меня.

Посмотрев через свой оптический прицел на окна бетонных домов, в которых засели поляки, я сразу увидел вражеского стрелка. Он целился из винтовки в одного из наших бойцов, подползавших к зданиям. Дорога была каждая доля секунды. Я навел на врага перекрестие оптического прицела и нажал на спусковой крючок. Теперь этот поляк больше не представлял опасности. Однако чем ближе немецкие взводы подбирались к бетонным зданиям, тем интенсивнее оттуда раздавались винтовочные выстрелы и пулеметные очереди. Я без усталости выискивал новые цели и нажимал на спусковой крючок. То же самое делали и остальные снайперы.

Между тем взводы капитана продолжали штурм. И уже

в здания полетели мины, выпущенные из их минометов. Из окон повалил дым. Через некоторое время я уже не мог найти себе цель в окнах домов. Видимо, бой завязался внутри зданий. Тем не менее мы должны были оставаться на своих местах и продолжать искать цели, а также быть готовыми к любому непредвиденному развитию событий.

На этот раз все закончилось благополучно. Минут через пятнадцать к нашему сержанту прибежал связной от капитана. Оба бетонных здания были благополучно взяты. Теперь мы могли занять в них позиции, в случае если бы поляки предприняли контратаку. Однако в этих зданиях оказалось не так много польских солдат, как ожидал капитан. Это означало, что основные бои за город у нас еще впереди. И до конца дня мы продолжали продвигаться вперед, точно так же прикрывая взводы капитана, которые штурмовали все новые и новые занятые поляками здания. При этом я панически боялся, что у меня закончатся патроны, и при каждой возможности забирал их из патронных сумок убитых.

Сержант Бергер внимательно наблюдал за каждым из нас. После взятия очередного здания он подошел ко мне и сказал: – Ты хороший солдат, Гюнтер. Я первый раз вижу, чтобы молодой снайпер был таким метким. Я рад, что ты служишь под моим началом.

Подобная похвала, услышанная от сурового сержанта Бергера, могла вскружить мне голову. Однако судьбе было угодно остудить мой пыл и заставить вести себя осторожно и

осмотрительно. А осторожность и осмотрительность, как известно, главные качества, которые позволяют выжить снайперу.

Это произошло во второй половине дня. Когда я просматривал окна очередного здания, занятого поляками, я вдруг увидел вражеского солдата со снайперской винтовкой. Это было для меня полнейшей неожиданностью. Я почему-то даже не думал о том, что у поляков тоже могут быть снайперы. Не успел я опомниться, как его пуля перебила ремень моего шлема, оцарапав мне щеку. Инстинктивно я рухнул на землю. Какое-то шестое чувство подсказало мне, что я должен изображать из себя убитого, иначе стану таким на самом деле. Я пролежал неподвижно несколько минут, которые показались мне бесконечными. За это время я вспомнил Ингрид, маму и своего маленького сына. Я вспомнил о том, что снайпер не должен делать больше одного выстрела с одной и той же позиции. Но ведь в тех боевых условиях соблюдать это правило было попросту невозможно. Я подумал о том, как много я еще не успел сделать в жизни. Я молил Бога, чтобы вражеский снайпер не решил на всякий случай выстрелить в меня еще раз.

Потом я услышал растерянный голос Михаэля:

– Гюнтер, ты живой?

Я осторожно приподнялся. Вскоре здание было взято, и я узнал, что польский снайпер убил двоих ребят из моего взвода. Нас охватила такая ярость, что нам хотелось самим рас-

правиться с ним. Но в захваченном здании не удалось найти даже его снайперской винтовки. Возможно, польскому снайперу каким-то образом удалось сбежать. А может, он просто снял оптический прицел со своей винтовки, спрятал его и выдал себя за обычного солдата.

Так или иначе, я понял, что у противника тоже могут быть снайперы. Значит, если я хотел выжить, я должен был находить их первым и первым стрелять в них без промаха. Конечно, это проще сказать, чем сделать. Но я получил хороший урок.

К вечеру основные силы поляков, остававшиеся в центре города, были окружены. Они сдались. И их, разоруженных, вывели на южную окраину Калица. Остальные районы города к этому моменту были уже взяты. Таким образом Калиц был захвачен нашей дивизией.

Я наблюдал, как из города выходили беженцы, нагруженные своими скудными пожитками. Это были женщины с детьми и старики. Их было так много, что казалось, будто Калиц покидают сразу все его жители. Наше командование выставило посты на выходах из города. Бойцы, дежурившие на этих постах, должны были следить за тем, чтобы вместе с беженцами из города не сбежали польские солдаты, которым тем или иным образом удалось избежать сдачи в плен.

Между тем в город въехали грузовики полевых кухонь. У нас был просто роскошный ужин, состоявший из жареных колбасок и картофеля. А если учесть, насколько мы проголо-

дались за день, можете представить, с какой жадностью каждый из нас набросился на еду.

На ночь наш взвод разместился в одном из больших бетонных зданий. Это был жилой дом, но к нашему приходу в нем не было ни одного из жильцов. Во всех комнатах валялись разбросанные вещи. Это явно говорило о том, что прежние обитатели собирались очень поспешно. Нам с Антоном и Михаэлем посчастливилось найти в нем буханку хлеба и половину головки сыра, а также бутылку вина. Мы неплохо отметили то, что все втроем остались живы после боев за Калищ. Я собирался написать письмо к Ингрид, но никак не мог решить, стоит ли ей рассказывать хотя бы в общих словах о том, как проходят бои. В конце концов я решил оставить написание письма на завтра и лечь спать. После прошлой ночи в окопе было так здорово лечь в обыкновенную мягкую постель. Мне снился родной дом, во сне я был счастлив.

На следующее утро мы снова получили завтрак налевой кухне, и нам снова выдали всего по семь патронов. После этого вся наша дивизия снова заняла кузова грузовиков, и мы поехали на северо-восток. Нашим местом назначения был польский город Кутно. К этому моменту к нему уже было стянуто несколько других дивизий, и город был осажден.

Мы ехали в грузовике весь день. С самого начала пути Антон начал расхваливать мою меткость, которая позволила

мне убить или серьезно ранить так много поляков. Остальные ребята смотрели на меня с восхищением и уважением. Возможно, вчера моя меткость спасла жизнь кому-то из них. Однако я сам, после того как меня чуть не убил польский снайпер, боялся, что излишнее восхищение и похвалы притупят мою бдительность. Поэтому в ответ на похвалы я говорил, что мои успехи во многом обусловлены хорошим оптическим прицелом и, возможно, элементарным везением.

— А ты молодец, не зазнаешься, — похлопал меня по плечу Михаэль.

Остальным ребятам, видимо, тоже понравилось, что я не выпячиваю свои достижения. Во всяком случае, было заметно, что все они относятся ко мне очень хорошо.

За время дороги некоторые из нас прислонялись к стенкам кузова, и благодаря этому бойцам удавалось в сидячем положении придремать на пару-тройку часов. Мне не хотелось спать. Но я тоже закрыл глаза и сделал вид, что дремлю.

Мне нужно было понять, что со мной произошло. Два дня назад меня рвало, после того как я впервые убил живых людей. Теперь же я смирился или почти смирился с тем, что мне придется делать это постоянно. Неужели человек может так измениться за каких-то два дня? Неужели я стал холодным, жестоким убийцей? Эти мысли не давали мне покоя. Но потом я вспомнил слова сержанта Бергера: «Если ты пожалеешь врага, это может стоить жизни твоему другу или даже тебе самому». За два прошедших дня я убедился, что

это действительно так. И это, только это одно заставило меня смириться с тем, что я стреляю по живым людям. Я должен был убивать, чтобы спасти свою собственную жизнь и жизни других. Иного выбора у меня не было. Осознав это, я успокоился.

После того как стемнело, мы ехали еще около часа. Наконец наш грузовик остановился. Мы еще не достигли Кутно. Но командование решило, что нам следует выспаться перед завтрашними боями. Посреди дороги остановилась целая колонна наших грузовиков. Мы наскоро выкопали неглубокие окопы и спали в них.

Утром нас снова ждал горячий завтрак из все тех же сосисок. Нам снова выдали по семь патронов, пополнили наши сухие пайки, и мы поехали дальше.

Город Кутно являлся одним из основных объектов, которые требовалось захватить в ходе операции. Мы теперь находились всего в нескольких часах езды от него. По мере нашего приближения к городу до нас все отчетливее доносились звуки боя.

Когда нам оставалось еще около часа пути, мы услышали оглушительный грохот артиллерийских орудий. Он не смолкал до конца нашего пути и был столь интенсивным, что нам стало ясно: под город стянуты действительно огромные силы.

Наконец мы увидели и сами артиллерийские орудия. Это были немецкие 105-миллиметровые пушки. Их было больше

сотни, и они безостановочно вели огонь.

Наш грузовик остановился возле расположения артиллеристов. По команде сержанта мы вылезли из кузова. Я сразу огляделся по сторонам. Между артиллерийскими частями и городом стояли две танковые и одна пехотная дивизии. Пехотная дивизия уже успела окопаться. Более того, можно было предположить, что они находились здесь уже достаточное время, поскольку среди их окопов зияли воронки от снарядов. Конечно, они могли появиться и в результате недолета немецких снарядов. Но, скорее всего, это было работой польской артиллерии. На краю города виднелись сожженные танки. Около полутора десятков из них были немецкими, причем среди них были как легкие, так и средние танки. Однако большинство уничтоженной техники было польской. Рассматривая подбитые польские танки через бинокль, я сбился со счета. Их было, наверное, около сотни. Причем среди них также были как легкие, так и средние танки. Впрочем, я был вообще удивлен, что у поляков есть бронетехника подобного рода.

Несколько офицеров из командования нашей дивизии на бронированном автомобиле выехали в штаб проведения операции. У нас было время, чтобы наскоро перекусить своими сухими пайками.

– Как думаете, сержант, нас сейчас бросят на штурм? – спросил я Бергера.

– А для чего еще бы нас сюда везли? – невесело усмехнул-

ся он. – Но на этот раз у нас, по крайней мере, будет танковая поддержка.

Между тем я увидел в небе несколько немецких бомбардировщиков. Они несли на город свой смертоносный груз, и вскоре к разрывам снарядов присоединился оглушительный грохот взрывающихся бомб. Впрочем, на этот раз я уже не обольщался. Я знал, что поляки все равно не отдадут город без боя.

Примерно через полчаса бронированный автомобиль возвратился в нашу дивизию. Наши офицеры поспешили к командиру дивизии, чтобы получить приказы. Затем эти приказы были доведены до сержантов. И уже через десять минут сержант Бергер выстроил наш взвод.

– В городе укрепились польские пехотные части и артиллерия, – рассказал нам сержант. – Они окопались по всему городу, у них полно противотанковых орудий. Наши танкисты уже попытались взять Кутно, но были отброшены поляками. Теперь город попытаются взять силами пехоты. Вместе с нами пошлют несколько танковых взводов.

Мне в очередной раз стало не по себе. Впереди нас ждал бой, который окажется, возможно, еще более тяжелым, чем предыдущий. Я подумал о том, что мне самому довелось расти без отца. Неужели моего маленького сынишку Курта ждет такая же судьба? «Я не допущу этого, – сказал я себе. – Я сделаю все, чтобы враги не смогли убить меня. Я буду без жалости стрелять в любого из них, если это понадобится для

того, чтобы выжить».

Между тем сержант Бергер объявил, что до начала атаки еще двадцать минут, но за это время мы должны продвинуться как можно ближе к городу, заняв места в окопах других немецких частей.

Артобстрел продолжался. Следуя за сержантом Бергером, я вместе с Антоном и Михаэлем подполз к траншее, которую занимали трое молодых солдат. Мы спустились к ним. Я оглядел ребят. Они были рядовыми немецкими пехотинцами, но все трое казались настолько юными, словно они только что окончили школу. Двое из них курили сигары, те самые, которые каждому из нас выдавали по две штуки в день.

Один из курильщиков, светловолосый и голубоглазый, посмотрев на нас, втянул в легкие слишком много дыма и закашлялся. Было видно, что он начал курить совсем недавно. Возможно, именно для того, чтобы казаться взрослее. Откашлявшись, он заговорил с нами:

– Ну что, ребята, готовитесь к первому бою?

– Нет, мы уже в двух боях побывали, – ответил Антон и гордо улыбнулся.

– Не может быть! Ну вы молодцы! – Все трое разом переглянулись. – А нас вот уже два дня держат здесь позади танков.

– Навоюетесь еще, – сказал им сержант Бергер.

– В нашем взводе уже есть убитые, – хмуро произнес Михаэль. – А нам самим просто повезло, что нас не зацепили

польские пули.

– Повезло?! – недовольно воскликнул второй курильщик. – Немецкие солдаты могут обойтись и без везения. Наше вооружение во много раз превосходит польское. Видели бы вы, что здесь было вчера! Поляки подняли в воздух кучу своих самолетов. Но это были развалюхи времен Первой мировой. Прилетело всего несколько наших «Мессершмитов», и польские самолеты в считанные минуты были разбиты в щепки!

Тут заговорил и третий молодой солдат:

– С танками произошло то же самое. Чтобы подбить один наш танк, полякам пришлось терять по десять своих!

Сержант Бергер окинул всю троицу неодобрительным взглядом:

– Безусловно, наша техника лучшая в мире, и, уж конечно, она превосходит польскую. Безусловно, за нами численное преимущество, и наши солдаты значительно лучше польских. Все это означает, что мы несомненно победим. Но не надо думать, что поляки сдадутся легко. Так было бы лучше для них самих, но они не понимают этого. Мы уже потеряли нескольких ребят. А те, кто недооценивает противника, как правило, одними из первых пополняют списки погибших.

После его слов повисло молчание. Наш сержант начал рассматривать в бинокль пригород Кутно. Между тем ребята начали нам рассказывать о том, что вчера их обстреливала польская артиллерия. У них был приказ оставаться на пози-

циях. Но некоторые из солдат все равно выскочили из окопов и побежали. Именно их и настигла шрапнель.

— Тогда мы убедились, что оставаться в окопах действительно безопаснее, — подытожил парень, который заговорил с нами первым. — Впрочем, несколько снарядов угодило и прямо в окопы, — он указал рукой на воронки.

После этого он снова затянулся сигарой и снова начал кашлять.

— Но потом наша артиллерия и самолеты заставили заткнуться польских артиллеристов, — закончил он, откашлявшись.

Через несколько минут наша артиллерия смолкла, и мы услышали приказ идти в атаку. Несколько наших танков устремились вперед, и мы побежали следом за ними. Мы продвинулись в глубь города примерно на сотню метров, и поляки, прятавшиеся в пригородных зданиях, открыли по нам огонь. Несколько солдат, бежавших сразу следом за танками, тут же рухнули, срезанные пулеметной очередью. Поляки вели огонь из тяжелых пулеметов, винтовок и даже из артиллерийских орудий. Один из снарядов упал неподалеку от меня, и я увидел, как во все стороны полетели куски тел двух или трех солдат, которые находились рядом с местом падения снаряда.

Это все произошло так быстро, что никто из нас не успел опомниться. Мой инстинкт выживания заставил меня стре-

мительно рухнуть на землю. Я увидел, что то же самое сделали еще несколько бойцов. Однако основная масса солдат продолжала бежать вперед. Я поспешил установить на позицию свою снайперскую винтовку и начал искать цель. В одном из окон я увидел тяжелый пулемет, из которого велся огонь по нашим ребятам. Я навел перекрестие своего прицела немного выше пулемета, именно там должен был находиться стрелявший. Я нажал на спусковой крючок. Мне показалось, что на некоторое время пулемет затих. Но через несколько секунд я увидел, что он снова стреляет. Возможно, я промахнулся, а возможно, пулеметчика подменил его товарищ. Так или иначе, я снова нажал на спусковой крючок. После этого пулемет затих насовсем. Глядя в оптический прицел, я продолжил выискивать польских пулеметчиков. В результате за несколько минут мне удалось заглушить еще два пулемета.

Между тем наши танки продолжали продвигаться в глубь города, стреляя по полякам из своих пушек и пулеметов. Стены некоторых польских домов рушились на глазах, когда в них попадали танковые снаряды. Впрочем, после работы нашей артиллерии и бомбардировщиков в городе и без того было полно разрушенных домов. Наши минометчики и пулеметчики, вооруженные MG-34, также беспрестанно вели огонь по врагу. От грохота боя можно было буквально оглохнуть.

Когда у меня заканчивался уже третий магазин патронов,

я заметил, что вокруг меня огонь поляков стих. Я внимательно осмотрел через оптический прицел окна окружающих домов, но не нашел ни одного польского солдата. Поняли это и другие бойцы, находившиеся неподалеку от меня. Они устремились дальше в глубь города, где по-прежнему раздавались выстрелы и взрывы. А я подполз к нескольким телам убитых немецких солдат, чтобы быстро пополнить свой запас патронов.

Когда я склонился над одним из павших, он, к моему удивлению, вдруг застонал:

– Помогите!

Рядом не было ни одного медика. Стонущий солдат был ранен в голову. Я не мог определить, насколько серьезна его рана. В любом случае мне следовало остановить кровотечение. Я достал медпакет из кармана раненого и перебинтовал ему голову. После этого мне ничего не оставалось делать, кроме как повесить свою винтовку себе на шею, а раненого взвалить на плечи и потащить к ближайшей траншее на выходе из города. Нести его было очень тяжело. Кроме того, я очень боялся, что споткнусь и поврежу при падении свой оптический прицел. И, конечно, в этой ситуации я уже не думал о том, чтобы искать какие-то укрытия по мере движения, а значит, был хорошей мишенью для польского снайпера, если бы таковой оказался поблизости.

Но все обошлось. Я дотащил раненого до первой траншеи. Там были медики. Они сразу засуетились вокруг него. А я

устремился снова в глубь города, туда, где слышались звуки боя.

Я двигался короткими перебежками от здания к зданию. Осматриваясь по сторонам, я понял, что в Кутно было разрушено значительно больше домов, чем в Калице. По крайней мере, здесь, в пригороде, осталось очень мало уцелевших зданий. На улицах везде валялись осколки кирпичей, трупы лошадей, разбитые повозки и человеческие тела.

Мне нужно было найти мой взвод. Наконец я увидел трехэтажное здание, из окон второго этажа которого торчали стволы винтовок, стрелявших в сторону центра города. Я решил, что это немецкие солдаты стреляют по полякам. Впрочем, все могло быть совершенно иначе. Готовый ко всему, я осторожно подполз к входу в здание.

Над входом висела какая-то вывеска на польском языке. Дверь была закрыта. Сначала я хотел ее приоткрыть, но потом подумал, что за ней наверняка стоит часовой, который, даже если он немец, может выстрелить, испуганный неожиданностью моего появления.

– Здесь есть немцы? Я свой! – заорал я и тут же спрятался за угол рядом с дверью.

В этот момент мое сердце было готово выпрыгнуть из груди. Однако через несколько секунд я с облегчением услышал немецкую речь:

– Да, здесь солдаты Вермахта. Открой дверь и покажи себя!

За дверью я увидел немецкого солдата, стоявшего на вершине лестницы, шедшей прямо от входа и направлявшего на меня свою винтовку. Увидев мою униформу, он рассмеялся:

– А я уже боялся, что кто-нибудь из хитрых поляков научился нашему языку. Проходи наверх!

Поднявшись по ступеням, я увидел троих снайперов, засевших в комнате напротив окон. Все они были из какого-то другого взвода. Четвертый, который впустил меня, также был снайпером. Это было ясно, поскольку на его винтовке также был оптический прицел.

– Я потерял свою часть. – Я назвал номер взвода, роты, полка и дивизии. – Вы не знаете, где они? Боюсь, что меня обвинят в дезертирстве.

Произнеся эти слова, я подумал, что на самом деле могу оказаться в неприятной истории. Трое снайперов продолжали вести огонь из окон, не отвлекаясь на меня. Впустивший меня сначала пожал плечами, потом улыбнулся:

– Оставайся с нами до конца боя, мы подтвердим, что ты был с нами. – Он протянул мне руку: – Меня зовут Феликс.

– Гюнтер, – представился я.

Его рукопожатие оказалось довольно сильным.

Я направился к свободному окну, чтобы также открыть огонь по полякам. И в этот миг пуля вошла точно в глаз одному из сослуживцев Феликса.

– Твою мать! – Феликс тут же подскочил к нему и сразу понял, что здесь уже ничем не помочь. Остальные снайперы

спешно повалились на пол. Никто из них не успел заметить польского снайпера, а значит, он мог перестрелять их всех, пока они искали бы его.

— Нам нужно сменить позицию, иначе мы все будем покойниками, — сказал я.

Остальные согласились со мной. Феликс отломал половинку солдатского медальона убитого. Я потянулся к его патронной сумке, но тут же уловил неодобрительные взгляды остальных.

— Нам выдают всего по семь патронов в день. Я должен как-то пополнять свои запасы. Но на этот раз я, наверное, зря... — произнес я, смутившись.

— Нет, все правильно, — сказал Феликс. — Убитому патроны больше не пригодятся, а мы без них пропадем.

Я разделил поровну патроны погибшего снайпера. При этом я невольно периодически поглядывал на его залитое кровью лицо с зияющей дырой на месте левого глаза. Я сам в любой момент мог повторить такую же незавидную судьбу. Наверное, о том же подумали и другие снайперы. Во всяком случае, с одним из них случилась истерика. Он дрожал, забившись в угол комнаты. Феликс подполз к нему и отхлестал по щекам. После этого парень вроде как пришел в себя. И мы все вместе осторожно покинули здание.

Используя в качестве прикрытий здания и руины домов, встречавшиеся нам на пути, мы двигались в северо-восточном направлении, приближаясь к центру города. Через па-

ру улиц мы увидели немецкий взвод, занявший позиции позади зарослей декоративного кустарника. Ребята наблюдали за польским танком, который двигался по направлению к ним. Рядом с танком бежали несколько польских пехотинцев. Враги, вероятно, не заметили немецкий взвод, прятавшийся за кустарником, и поэтому никто из них не открывал огонь.

В руках одного из бойцов немецкого взвода я увидел массивное противотанковое ружье. Он прицелился в танк и выстрелил. Раздался такой грохот, словно от одновременного выстрела из пяти обыкновенных винтовок. Через свой оптический прицел я увидел, как в лобовой броне танка возникла дыра.

Поляки тут же открыли огонь. Затарахтел танковый пулемет. Действуя автоматически, я навел свой прицел на смотровую щель пулеметчика и нажал на спусковой крючок. В первый раз я промахнулся. Моя пуля, видимо, от ricoшетила от брони. Я выстрелил снова, снова. После моего третьего выстрела танковый пулемет замолк.

Между тем другие снайперы и ребята из пехотного взвода уже уничтожили часть поляков, сопровождавших танк. Остальные вражеские пехотинцы спрятались за танком и продолжали вести огонь по нам. Я не знаю, почему молчала танковая пушка. Возможно, выстрел из противотанкового ружья уничтожил именно того, кто должен был стрелять из нее. Возможно, польский танк был не совсем исправен.

Я решил попытаться попасть в польских солдат, прятавшихся за танком. Но тут один из наших бойцов выбежал из-за укрытия и швырнул в танк гранату. Он выскочил так неожиданно, что поляки не успели сообразить, и он благополучно прыгнул обратно в укрытие.

– Ложись! – заорал сержант, командовавший пехотным взводом.

Мы все вжались в землю. И в ту же секунду прогремел взрыв. Танк загорелся, и через несколько секунд прогремел еще один взрыв, гораздо более мощный. Видимо, взорвался боекомплект танка.

Было очевидно, что все, кто находился внутри танка, погибли. Та же судьба постигла большинство поляков, прятавшихся за танком. Однако двое или трое из них были ранены. Один из них потянулся к своей винтовке. Наши пехотинцы, разгоряченные боем, тут же перестреляли их всех.

Оторвав глаз от прицела, я посмотрел вокруг себя и увидел солдата, который стрелял из противотанкового ружья. Он был мертв. Вся его грудь была изрешечена пулями. Это явно было работой танкового пулемета. Я подошел ближе и увидел, что лицо убитого залито кровью. Она, вероятно, хлынула у него изо рта, перед тем как он умер.

Сержант, командовавший взводом, подошел к убитому и отломал половинку его солдатского медальона. Еще один солдат, возможно, друг погибшего, подошел к нему и наскоро пробормотал успокоительную молитву. Больше никому не

было дела до убитого. Тогда к нему подошли Феликс и двое других снайперов.

– Может, нам стоит взять его противотанковое ружье? – предложил я.

Феликс поднял с земли ружье погибшего солдата и хмыкнул:

– Ого, сколько весит! Здоровое, как пушка!

Я взял противотанковое ружье у него из рук и осмотрел.

– Калибр ствола – те же восемь миллиметров, что и в наших винтовках, – удивился я. – Почему оно бьет так мощно, что прошибает броню?

Феликс к этому моменту уже вертел в руках огромный патрон для противотанкового ружья.

– Посмотри, – сказал мне он. – Калибр здесь тот же, что и в винтовке, но пуля гораздо массивнее и пороха больше в несколько раз.

Между тем снайпер, у которого сдали нервы, когда мы были в доме, рассматривал убитого и снова нервно трясся.

– Что ты, как баба, дрожишь? – заорал я, чтобы отрезвить его.

– Неужели вокруг нас теперь постоянно будут убитые? – глухо сказал он.

– К этому быстро привыкаешь, – ответил я нарочито бодро.

В голове мелькнуло: «Неужели я сам уже привык?»

Противотанковое ружье в самом деле оказалось очень тяжелым, но я взял его с собой, равно как патроны к нему. Их у убитого оставалось целых девятнадцать. Он успел сделать всего один выстрел.

Вслед за пехотой мы продолжали продвигаться от дома к дому. Свой карабин K98k я держал в руках, а противотанковое ружье висело у меня на плече. Оно создавало массу неудобств при передвижении, но я рассчитывал, что это ружье еще сослужит мне хорошую службу. Забегая вперед, скажу, что в принципе так и случилось, но всего один раз, а натягался я с ним будь здоров...

Вскоре мы приблизились к массивному кирпичному трехэтажному зданию. Судя по внешнему виду, в нем прежде размещалась школа. Однако теперь оно было полно польских солдат, которые вели огонь из окон первого и второго этажей. Крыша и третий этаж здания были практически полностью разрушены снарядами и бомбами, все стекла в нем были выбиты, но, несмотря на это, оно выглядело достаточно крепким.

Впрочем, я не мог рассмотреть его слишком хорошо. Я занял позицию на расстоянии около трехсот метров от него. А дома, находившиеся рядом с этим трехэтажным зданием, были охвачены пожаром, и из-за дыма было тяжело что-либо разглядеть.

Немецкие пулеметчики работали по зданию очень плотно. После их очередей от стен школы то и дело откалывались

кирпичи. Однако каждые несколько минут кто-нибудь из наших пулеметчиков оказывался убитым. Мне стало понятно, что у поляков есть снайпер.

Я сказал об этом Феликсу. И мы все вчетвером начали рассматривать окна школы через свои оптические прицелы в поисках позиции снайпера. Сквозь дым было очень плохо видно, но я заметил, что в одном из окон разрушенного третьего этажа периодически мелькает вспышка на конце винтовочного ствола и почти одновременно с этой вспышкой замолкает какой-нибудь из немецких пулеметов. Конечно, именно там и прятался вражеский снайпер. Он был так уверен в своей безопасности, что не трудился даже менять позицию. Я шепнул Феликсу:

– Снайпер на третьем этаже среди руин. Видишь вспышки на конце ствола? Давай выстрелим разом, чтобы наверняка!

И через несколько секунд мы одновременно нажали на спусковой крючок. После этого польский снайпер замолк. Наверное, мы убили или сильно ранили его.

Я стал выискивать новую цель и увидел в одном из окон вспышки, периодически возникавшие на конце ствола пулемета. Пулеметчики были не видны мне, и я сделал несколько выстрелов, ориентируясь на вспышки. Это не принесло никакого результата. Наверное, пулемет был установлен под углом к оконному проему, и пулеметчики находились где-то сбоку. Я сделал несколько выстрелов, целясь немного левее и немного правее вспышек на конце пулеметного ствола.

Однако результат по-прежнему был нулевым. Я не понимал, как такое могло произойти. И вдруг при очередном порыве ветра дым напротив этого окна на несколько мгновений рассеялся, и я увидел, что пулемет на самом деле установлен под углом к оконному проему, а пулеметчики устроились за кучей мешков, которые, вероятно, были наполнены песком. Что ж, в этом случае было вполне естественно, что мои пули застревали в этих мешках, не причиняя вреда полякам.

Я быстро отложил свою снайперскую винтовку и взял в руки противотанковое ружье. На нем не было оптического прицела, и я был вовсе не уверен, что попаду из него с такого расстояния. Тем не менее следовало попытаться счастья. Я тщательно прицелился в то место, где за мешками с песком должен был находиться пулеметчик, и нажал на спусковой крючок. Меня словно ударило лошадиным копытом по плечу, столь сильная отдача была у противотанкового ружья. В моих ушах звенело. Однако вражеский пулемет затих, и это было самым главным.

Я продолжал выискивать цели в окнах, то же самое делали и другие снайперы. Простые пехотинцы и пулеметчики также не переставали вести огонь по школе. И вскоре я понял, что в окнах обращенной к нам стороны здания не осталось ни одного поляка.

Я ожидал, что наша пехота начнет штурм здания. Но этого не произошло. Прождав несколько минут, я решил выяснить, что происходит. Я обернулся к Феликсу:

– Феликс, вы с ребятами можете прикрыть меня, пока я подскочу к дому напротив школы, где расположились наши? Они почему-то не начинают штурм, нужно выяснить, что там творится.

– Давай! Мы прикроем, – согласился Феликс.

Я оставил ему свое противотанковое ружье и побежал к двухэтажке, стоявшей в ста метрах от нас прямо напротив школы.

– Не стреляйте, я свой! – закричал я, вбегая в подъезд.

– Заходи, раз свой, – услышал я веселый голос из квартиры на первом этаже.

Оказавшись там, я увидел пятерых стрелков и двоих пулеметчиков.

– Нужно штурмовать здание, пока к полякам не подошло подкрепление, – выпалил я. – Здесь есть еще бойцы, кроме вас?

– Наш сержант в соседнем здании, – ответили мне. – Также поблизости находится еще несколько взводов.

Вместе с одним из солдат я сразу рванул в соседнее здание, в подъезде которого я в спешке едва не налетел на сержанта.

Это был мужчина лет сорока с наружностью бывалого и рассудительного немецкого военного. Я сразу объяснил ему, что я снайпер и что вместе с другими снайперами мы однозначно убедились в том, что с внешней стороны здания школы не осталось полевых, обороняющих его.

– Сейчас самое время для штурма, – настаивал я.

– Подожди, – ответил мне сержант. – Я не могу бросить туда своих ребят без приказа сверху. Возможно, нам удастся поговорить с капитаном Бидембахом...

Услышав эти слова, я стушевался. Я сам был всего лишь ефрейтором, а капитан должен был командовать целой ротой. И я замямлил:

– Что ж, думаю, капитан разберется и без нас. Пожалуй, не стоит его беспокоить, – я развернулся к выходу.

– Подожди, паренек! – остановил меня сержант. – Мне кажется, что ты сказал дельную вещь. Но это действительно нужно обсудить с капитаном.

Вместе с сержантом мы вышли через заднюю дверь дома и устремились к стоявшей через несколько домов позади нас большой группе солдат. Сержант подвел меня к одному из военных, который был одет точно в такую же униформу, что и другие солдаты, но на нем были капитанские знаки различия.

– Что случилось, сержант? – спросил капитан, глядя на моего спутника.

– Я привел к вам снайпера из другой части. Он утверждает, что с этой стороны здания школы не осталось поляков. А значит, мы сможем взять его штурмом.

Капитан окинул меня оценивающим взглядом.

– Как тебя зовут, ефрейтор? – спросил он.

Я вытянулся, как и полагалось перед офицером, однако не

салиутовал при этом, как было положено в Вермахте.

– Ефрейтор Гюнтер Бауэр, господин капитан.

– Почему ты не салутовал мне, как положено, ефрейтор Бауэр?

– Мне не хотелось, чтобы вражеские снайперы, если они есть поблизости, могли понять, что вы офицер, господин капитан, – отчеканил я.

Капитан Бидембах нервно посмотрел по сторонам, но потом улыбнулся:

– Все в порядке. Ты поступил правильно, ефрейтор. – Он бросил взгляд на мою винтовку с оптическим прицелом: – Ты действительно снайпер?

– Так точно, господин капитан.

– Что ж, подойдем ближе и посмотрим вместе на эту чертову школу! – Капитан в сопровождении солдат зашагал вперед.

Не успели мы сделать нескольких шагов, как по нам открыл огонь пулеметчик, находившийся на верхнем этаже здания, расположенного примерно в двухстах метрах от нас. Через несколько секунд четверо солдат из сопровождения капитана рухнули на землю и заорали от боли. Они были ранены. Все остальные, включая капитана, тут же повалились на землю, чтобы не стать слишком легкой мишенью для вражеского пулеметчика. А я сразу установил свою винтовку на огневую позицию и навел перекрестие прицела на польского пулеметчика. Не прошло и минуты, как мои пули уничтожили

ли и пулеметчика, стрелявшего по нам, и его напарника.

– Молодец, ефрейтор Бауэр, – капитан Бидембах похлопал меня по плечу.

– Спасибо за похвалу, господин капитан, – ответил я, продолжая настороженно смотреть по сторонам. Мне было окончательно ясно, что нельзя расслабляться.

Тем временем капитан посмотрел на нашивки на моей униформе. По ним было видно, из какой я дивизии.

– Твоя дивизия участвовала в тяжелых боях при взятии Калица? – спросил он меня.

– Так точно, господин капитан.

– Сколько поляков ты уже уничтожил?

Я растерялся. Я сам старался меньше думать о том, сколько людей я убил. Но тем не менее я знал примерную цифру.

– Около тридцати, господин капитан.

Остальные солдаты, стоявшие рядом, посмотрели на меня скептически. Однако во взгляде капитана Бидембаха не было сомнений.

– Ты должен оставаться около меня. Это приказ, ефрейтор Бауэр! – сказал он.

– Есть, господин капитан, – ответил я.

Вскоре мы достигли дома, находившегося прямо напротив школы. Однако теперь в здании школы снова были пулеметчики и польские стрелки, которые стреляли в нашу сторону.

– Проклятие, нам нужно снова очищать здание от них! –

вырвалось у меня.

– Успокойся, ефрейтор, – капитан в очередной раз похлопал меня по плечу. – У меня есть другой план.

Он повернулся к лейтенанту, который сопровождал его:

– Возьми три взвода и обыщи окрестности. Нужно найти как можно больше польских противотанковых орудий и боеприпасов к ним. Все это следует стянуть сюда, – капитан указал на площадку позади дома, в котором мы находились. – Как только это будет сделано, доложишь мне!

– Есть, господин капитан. – Лейтенант спешно вышел из дома в сопровождении двоих солдат.

Капитан Бидембах повернулся ко мне:

– Ефрейтор Бауэр, ты видишь, насколько старо здание школы?

– Да, господин капитан, – ответил я.

– А что ты делал, до того как был призван?

Этот вопрос показался мне неожиданным, и я выпалил:

– Я работал в булочной у моей матери, господин капитан.

Возможно, об этом следовало сказать немного иначе. Во всяком случае, после того как я произнес эту фразу, несколько бойцов так и прыснули со смеху. И даже сам капитан Бидембах не сдержал улыбки.

– А я вот до армии был архитектором, – сказал он. – И я знаю такой тип зданий. На первый взгляд они кажутся очень прочными, но в них все держится на кирпичных стенах коробки. И если мы обрушим хотя бы одну стену, все здание

мигом превратится в руины.

Он подошел к деревянному столу, стоявшему на кухне квартиры, в которой мы находились. Достав свой штык-нож, капитан Бидембах прямо на столе нацарапал прямоугольник.

– Вот здесь здание школы, а мы здесь, – он нацарапал другой прямоугольник, обозначавший дом, в котором мы находились. – Мне нужно, чтобы ты, ефрейтор Бауэр, и еще несколько снайперов разместились здесь и здесь, – капитан нацарапал еще два квадрата, обозначавших соседние здания. – Вы сможете поразить поляков отсюда?

– Так точно, господин капитан, – ответил я.

Расстояние от выбранных капитаном зданий до школы было чуть более двухсот метров, и я мог быть уверен, что с такого расстояния не только я, но и другие снайперы вряд ли будут промахиваться.

– Сержант, приведите сюда десять лучших снайперов, – скомандовал капитан. После этого он повернулся ко мне: – Ты назначаешься старшим и отвечаешь за работу снайперов во время штурма.

Сержант вернулся вместе со снайперами примерно через десять минут. К моей радости, среди них оказался и Феликс. Он тут же вручил мне противотанковое ружье, которое я оставил у него.

– Ну что, теперь ты наш командир? – Феликс смотрел на меня с удивлением и восхищением.

Впрочем, мне самому было не слишком комфортно. Я

очень боялся, что малейшая моя оплошность приведет к гибели кого-нибудь из снайперов. Я объяснил им, как и где разместиться в двух зданиях неподалеку от школы. Поскольку капитан выбрал два здания, то мы должны были разбиться на две группы. Одну из них возглавил я сам, а руководство второй поручил Феликсу. За наше короткое знакомство с ним я успел убедиться, что он вполне подходит для этой роли.

Прежде чем мы заняли предназначенные для нас здания, я успел увидеть, как пехотинцы притащили на место назначения три польских противотанковых орудия. Мне показалось, что они очень походят на немецкие 37-миллиметровые орудия, которые использовал Вермахт.

Вскоре ко мне подошел сержант.

– Капитан приказал, чтобы снайперы начали уничтожать защитников школы, – сказал он.

– Так точно, сержант, – ответил я.

Прошло всего несколько минут, и мы заняли здания, выбранные капитаном.

– Мужики, убивайте каждого поляка, которого увидите в окне школы, но прежде всего пулеметчиков и снайперов, если они там будут, – скомандовал я.

После этого я прильнул к своему оптическому прицелу. Я уничтожил двоих вражеских пулеметчиков и с удовлетворением отметил, что остальные снайперы так же хорошо выполнили свою работу. Более того, один из польских стрелков прямо на моих глазах был поражен двумя снайперами одно-

временно.

Защитников школы оставалось все меньше. Между тем я увидел, что наши солдаты уже установили захваченные польские орудия как раз напротив здания школы. Они открыли огонь по кирпичной стене. Число поляков, которые вели ответный огонь из окон, несколько увеличилось. Но я и другие снайперы тут же заставили замолкнуть большинство из них. А орудия продолжали стрелять по школе. И уже школа была окутана белым дымом. Орудия вели огонь преимущественно по первому этажу, и примерно после их тридцатого залпа вся западная стена здания, стоявшая напротив нас, вдруг вздрогнула и обвалилась. Следом за этим начала рушиться и южная стена.

– Это невероятно! – воскликнул я.

– А я всегда знал, что наш капитан очень умен, – сказал мне один из снайперов.

– Главное, что он бережет своих людей, – сказал я.

И тут мы увидели белый флаг, развевавшийся в окне с северной стороны школы.

Из здания с поднятыми руками вышло несколько польских солдат. Они сдавались. Примерно через три часа был взят весь город Кутно.

Вскоре после этого мне сообщили расположение моего взвода, и я смог вернуться туда. Сержант уже был осведомлен о том, что я не дезертировал, а сражался вместе с другой

частью. Поэтому у меня не возникло никаких проблем.

– Что с тобой случилось, Гюнтер? – спросил меня Антон, который ничего не знал о том, где я был во время штурма города.

Я коротко рассказал ему о том, как я тащил раненого, как не смог найти свою часть, и о том, как мы штурмовали школу. К нам подошел Михаэль. Вдвоем с Антоном они рассказали мне о том, как сами штурмовали здания, и о том, что еще несколько ребят из нашего взвода погибли. Мне было жалко этих ребят, но, так или иначе, я был ужасно рад, что Михаэль и Антон остались целы и невредимы.

Мы продолжали обсуждать бой за город. Неожиданно нас перебил сержант Бергер. Он окликнул меня:

– Ефрейтор Бауэр!

– Я слушаю вас, сержант.

– Гюнтер, тебя забирают в другую дивизию, – сказал он.

– Что? – переспросил я, не осознав сразу смысл его слов.

– Вот приказ о твоём перемещении в 3-ю пехотную дивизию, – сержант протянул мне желтый листок бумаги.

Мне было тяжело прощаться с Антоном, Михаэлем и сержантом Бергером. Тем не менее я должен был спешить в новую дивизию и доложить о своем прибытии самому командиру роты. Как и следовало ожидать, им оказался капитан Бидембах.

Я по всей форме салютовал ему:

– Ефрейтор Бауэр в ваше распоряжение прибыл.

– Вольно, ефрейтор, – ответил он. – Извини, если это перемещение было слишком неожиданным для тебя. Но я не мог допустить, чтобы столь талантливый снайпер был под началом другого командира. Даю слово, Гюнтер, ты об этом не пожалеешь!

– Спасибо за доверие, господин капитан, – ответил я, пораженный тем, что офицер назвал меня по имени.

Обычно офицеры называли рядовых, ефрейторов и даже сержантов только по фамилии. Они относились к нам почти как к рабам. Однако капитан Бидембах был явно не из таких командиров.

– Чтобы оправдать твое перемещение, мне пришлось доложить полковнику о том, что ты крайне способный снайпер, – улыбнулся капитан. – Он захотел, чтобы завтра утром ты лично явился к нему.

Я окончательно смутился от подобного внимания к моей персоне. Наверное, моя растерянность была написана у меня на лице.

Капитан Бидембах привычным жестом похлопал меня по плечу:

– Не переживай, Гюнтер, в этом нет ничего особенного. Наш полковник старается знать в лицо своих лучших бойцов. А если ты продолжишь воевать так же, как в сегодняшнем бою, думаю, тебе еще не раз придется показываться ему на глаза.

– Я постараюсь воевать не хуже, господин капитан, – от-

ветил я, так до конца и не придя в себя от смущения.

– Хорошо, Гюнтер. Теперь иди в свой новый взвод, ты заслужил отдых.

Я доложил о своем прибытии сержанту, командовавшему взводом. Среди своих новых сослуживцев я увидел нескольких ребят, которыми я командовал в ходе взятия польской школы. Мне стало неловко перед ними. Большинство из них, как и я, были ефрейторами. В бою же, как правило, командовать бойцами одного ранга с ним мог только тот, кто значительно старше их по возрасту. Однако я был, наверное, самым молодым из моих новых товарищей.

Я сразу начал извиняться перед ними, что обстоятельства сложились так, что мне пришлось быть их командиром.

– Ерунда, не извиняйся за это! – сказал один из них. – Ты был хорошим командиром. Под твоим началом никто из нас не погиб и даже не был ранен. К тому же ты сам стреляешь очень метко. Мы рады тому, что теперь ты в нашем взводе, Гюнтер!

После этого говоривший посмотрел на противотанковое ружье у меня на плече и спросил:

– А это что за пушка?

– Противотанковое ружье, – ответил я, снимая его с плеча и протягивая спросившему.

– Массивная штука! – сказал он.

Другой снайпер также подержал ружье в руках и воскликнул:

– Да эта штука весит килограммов пятнадцать!

– Зато она пробивает даже танковую броню, – вставил я.

– А ты что, собрался уничтожить танки? – еще один снайпер рассмеялся.

– Нет, но с помощью этого ружья я уничтожил польского пулеметчика, который укрывался за мешком с песком.

– Ладно, у каждого свои причуды, – махнул рукой снайпер, назвавший меня хорошим командиром.

– Ты уже слышал о французах и англичанах? – спросил меня еще один из новых сослуживцев.

– Нет. А что с французами и англичанами? – удивился я.

– И те и другие объявили нам войну.

– Мать твою! – вырвалось у меня.

Мне стало понятно, что на Польской кампании война для меня не закончится, если, конечно, я не позволю убить себя раньше времени. С этими невеселыми мыслями я вскоре заснул.

Глава четвертая. Я становлюсь учеником профессионального снайпера

5 сентября силы Вермахта большую часть дня были заняты перегруппировкой. Группе армий «Юг», состоявшей из трех полноценных армий, в которые входило около миллиона людей, требовалось еще некоторое время, чтобы выполнить задачи, возложенные на нее на данном этапе, и овладеть городами Лодзь, Озорков, Радомско и Бжезины.

Я был рад передышке. Сразу после завтрака я начал чистить свой карабин и противотанковое ружье. При этом я был доволен тем, что мне удалось получить утром не только семь патронов для моего карабина, но и еще семь патронов для моего противотанкового ружья. Это дало мне возможность попрактиковаться с ружьем. Я даже попытался приладить к нему мой старый 2,5-кратный оптический прицел. Но это мне не удалось.

Около 11 часов меня вызвали в палатку, в которой располагался штаб нашего командира полка полковника Хольварта. Когда я вошел, он сидел за дубовым столом и смотрел на разложенные перед ним карты.

– Ефрейтор Бауэр по вашему приказанию прибыл, господин полковник, – отрапортовал я и по всей положенной фор-

ме салютовал и щелкнул каблуками.

– Вольно, ефрейтор, – полковник улыбнулся. – Могу я увидеть твои бумаги?

Меня поразило радушное выражение его лица. Все-таки он был офицером такого ранга, а я всего лишь ефрейтором. Я спешно протянул полковнику свою личную солдатскую книжку.

Просмотрев ее, он сказал:

– Я вижу, ты окончил снайперскую школу в Берлине.

– Так точно, господин полковник, – ответил я.

– Что ж, некоторые старые военные относятся к снайперам предвзято. Но я знаю истинную цену подобным бойцам. Поэтому в моем полку есть несколько взводов, состоящих из одних снайперов, в том числе и твой взвод.

В этот момент в палатку вошел сержант с черным от копоти лицом. На вид ему было лет сорок. Он салютовал полковнику и вытянулся по стойке «смирно».

– Вольно, сержант Зоммер, – сказал полковник Хольцварт. – У меня для вас хорошая новость. Кажется, я нашел вам подходящего ученика.

– Да, полковник, это действительно хорошая новость, – ответил сержант.

– Посмотрите, прямо перед вами ефрейтор Гюнтер Бауэр, – улыбнулся полковник. – На его счету уже тридцать неподтвержденных уничтоженных противников.

– Да, это действительно много, учитывая, что война нача-

лась всего несколько дней назад. – Сержант Зоммер посмотрел на меня изучающим взглядом. – У него уже был какой-то предшествующий опыт?

– Нет, он был призван два года назад и окончил снайперскую школу в Берлине, – ответил полковник.

– Что ж, тогда у него действительно талант, – сказал сержант.

Полковник посмотрел на меня и пояснил:

– Перед тобой сержант Ганс Зоммер. Он был снайпером еще в Первую мировую. На его счету более трехсот подтвержденных попаданий. Хотя на самом деле, конечно, он уничтожил гораздо большее количество противников.

Эти слова привели меня в шок. Передо мной был профессиональный снайпер, профессиональный убийца. А ведь я сам уже убил около тридцати, а возможно, и намного больше живых людей, пусть они и были солдатами противника. Кем я стану, после того как начну учиться у этого сержанта Зоммера? Меня отрезвила мысль, что это поможет мне вернуться целым и невредимым к Ингрид и своему маленькому Курту. Тем не менее я молчал.

– Он не слишком разговорчив, мне это нравится, – сказал сержант Зоммер полковнику, продолжая смотреть на меня. – Но надо еще посмотреть, действительно ли он стреляет настолько хорошо...

– Вы правы, сержант, – согласился полковник Хольцварт. – Отдаю ефрейтора Бауэра вам в подчинение. Вы оба

можете идти.

Я вышел из палатки полковника следом за сержантом Зоммером.

– С каких расстояний ты привык стрелять? – спросил меня сержант по пути к краю лагеря.

– С двухсот-четырехсот метров. Но пару раз я попадал и с пятисот-шестисот.

– С пятисот-шестисот? – переспросил сержант. – Покажи мне свою винтовку.

Я передал оружие ему в руки. Сержанту хватило беглого взгляда на мой прицел, чтобы сказать:

– Да, с таким прицелом это возможно. Я буду рад, если ты на самом деле такой меткий стрелок.

Когда мы отошли примерно на сто шагов от крайней траншеи, сержант приказал мне оставаться на месте, а сам зашагал дальше. На расстоянии примерно трехсот метров от меня он остановился, достал из рюкзака деревянный колышек длиной около сорока сантиметров и, воткнув его в землю, прикрепил к нему небольшой листок бумаги. Я догадался, что это будет моя мишень. Сержант тем временем шагал дальше. Следующий колышек он воткнул в землю на расстоянии метров четырехсот от меня, а третий – на расстоянии полукилометра, если не дальше. После этого сержант Зоммер вернулся ко мне, достал бинокль и приказал:

– Теперь покажи, на что ты способен. Постарайся как можно быстрее поразить все три мишени.

Я лег на живот и установил винтовку на позицию. Наведя свой оптический прицел, я нажал на спусковой крючок.

– Хорошо, давай следующую, – услышал я голос сержанта Зоммера, который, глядя в бинокль, отслеживал результаты моей стрельбы.

Я спешно передернул затвор и через несколько секунд выстрелил во вторую мишень.

– Прекрасно, мне нравится твой темп стрельбы. Давай последнюю!

На этот раз я целился гораздо дольше. Наверное, целых десять или пятнадцать секунд. Но зато следом за выстрелом я услышал довольный голос сержанта:

– Отлично, прямо в яблочко! Даже не ожидал от тебя такого.

До конца дня я пробыл вместе с сержантом Зоммером. Он объяснял мне все то, чему нас не учили в снайперской школе, но что так важно для выживания снайпера в боевых условиях. В том числе это были и тонкости стрельбы во время восхода и захода солнца. В это время суток снайпер должен выбирать свою позицию так, чтобы солнце ослепляло врага, смотрящего в его сторону, и не ослепляло его самого. Также сержант Зоммер начал учить меня основам маскировки с помощью подручных средств, что оказалось действительно гораздо удобнее и надежнее, чем специфические средства камуфляжа, которые нам показывали в училище. Да и где я мог взять эти средства в боевых условиях?

Сержант Зоммер пользовался обычной маскировочной сеткой. Он вручил мне такую же и показал, как закреплять на нее листья и ветки, чтобы я мог слиться с местностью именно того участка, где я выберу позицию. Мне не верилось, что с помощью такого простого камуфляжа можно очень хорошо замаскироваться. Я сказал о своих сомнениях сержанту. Он рассмеялся в ответ и приказал мне отвернуться, медленно досчитать до ста, а потом попытаться разглядеть его в зарослях кустарника, росшего в паре сотен метров от нас.

Когда я развернулся, то не смог обнаружить в кустарнике сержанта Зоммера. Я даже достал бинокль, но и это не помогло. В конце концов я закричал:

– Сдаюсь! Не вижу!

Сержант Зоммер приподнялся, и только тогда я смог увидеть его. Он торжествовал.

После этого он научил меня еще множеству полезных мелочей. Он объяснил мне, что пуля долетает быстрее, чем звук от выстрела. Поэтому, если я занял позицию на достаточном расстоянии от цели, я могу выбрать момент, когда враги не смотрят в мою сторону, и стрелять, не боясь, что они обернутся раньше времени и увидят вспышку на конце моего ствола.

Также сержант Зоммер рассказал мне, что ночь – прекрасное время суток для охоты на врага.

– Тебе нужно лишь выследить какого-нибудь дурака, который закурит сигарету, и стрелять на огонек! Однако при

этом ты должен быть, как никогда, осторожен и постоянно менять позицию. Не забывай, вспышка на конце твоего ствола в темноте будет отлично видна противнику.

Мы проговорили весь день, пока не начало темнеть. Я старался запомнить каждое слово сержанта, чувствуя, что впоследствии это может действительно спасти мою шкуру. Однако он учил меня не только тому, как сохранить собственную жизнь, но и тому, как уничтожить как можно больше врагов.

– Тебе не всегда обязательно убивать вражеского солдата, – рассказывал сержант Зоммер. – Ты можешь прострелить ему коленную чашечку или ранить его в живот. Боль будет адской, и он не сможет причинить тебе вреда. Зато кто-нибудь из его товарищей наверняка поспешит ему на помощь. И здесь ты можешь использовать раненого как приманку, чтобы получать новые легкие цели. При этом тебе необязательно самому ранить противника, ты можешь просто разглядеть раненого в свой прицел и ждать, пока к нему кто-нибудь подползет. Тяжелые пулеметы и орудия также могут оказаться хорошей приманкой. Ты ведь, наверное, не раз замечал, что павших пулеметчиков спешат подменить их товарищи...

Мысль о подобных трюках не доставляла мне радости. Но я еще не знал, что это далеко не самое страшное из того, что бывает на войне.

Уже под вечер сержант Зоммер начал объяснять мне, как

перехитрить вражеских снайперов.

– Запомни, – сказал он. – Твой самый опасный противник – это вражеский снайпер! Никогда не считай его глупее себя, но при этом пытайся перехитрить его!

После этих слов Зоммер показал мне, как можно, надев каску на пехотную лопатку, высунуть ее из окопа, чтобы противник принял ее за твою голову.

– Таким образом ты сможешь обмануть большинство снайперов. Более того, при этом ты сможешь заметить позицию снайпера противника или убедиться в том, что поблизости нет снайперов, охотящихся за тобой. Правда, подобный трюк может не сработать, если твой противник очень опытный снайпер. Но такие встречаются крайне редко.

Под конец сержант Зоммер стал объяснять мне, как выбрать правильную позицию. В идеале она должна была быть такой, чтобы я мог пробыть на ней сколь угодно долго, не выдавая противнику своего присутствия, а также чтобы я мог в любую секунду покинуть ее, оставаясь незамеченным.

– Учти, выберешь плохую позицию – и ты покойник! – подытожил сержант Зоммер.

По дороге к его палатке он сказал мне напоследок:

– В любом бою прежде всего ты должен помнить правило номер один.

– А что за правило номер один? – спросил я.

– Не допускай, чтобы тебя убили, – улыбнулся он.

– А есть правило номер два?

– Да. Оно гласит: «Смотри правило номер один!»

Мы оба расхохотались. Прощаясь со мной у входа в свою палатку, сержант Зоммер приказал мне:

– Завтра ты должен снова явиться сюда. Я продолжу тебя учить уму-разуму.

– Так точно, сержант Зоммер, – ответил я.

Ребята из моего нового взвода встретили меня удивленными вопросами. Они терялись в догадках, где я провел весь день. Когда я коротко рассказал им о своем визите к полковнику и о том, что я стал учеником сержанта Зоммера, на лицах некоторых из них стала явно читаться зависть.

– Полковничий любимчик! – На лицах двух или трех человек появились ироничные улыбки.

Ко мне подошел Йозеф Энцель, парень из моего взвода, с которым мы успели немного сдружиться вчера. Именно у него я и оставлял свое противотанковое ружье, которое я, естественно, не стал брать с собой, когда меня вызвали к полковнику.

– Не слушай их, – сказал Йозеф. – Каждый из них мечтал бы оказаться на твоём месте, вот они и завидуют твоему таланту.

– О да, у меня ведь очень завидный талант! – зло ухмыльнулся я. – Скажем прямо: талант убивать людей. Я хочу сейчас только одного: вернуться домой, в свою булочную!

– Ладно, Гюнтер, все мы вернемся в свои булочные или еще куда... Если выживем. Сейчас главное – выжить.

– Нет, главное – завоевать жизненное пространство для немецкого народа, – один из моих новых сослуживцев, слышавший наш разговор, отчеканил заученный лозунг.

Я опешил, но Йозеф тут же нашелся:

– Конечно, это главное! Но если мы будем позволять врагам убивать нас, то кто же будет завоевывать жизненное пространство для немцев?

Это был разумный ответ. Ни мне, ни Йозефу были не нужны неприятности. А этот дурак мог еще донести на нас. Впрочем, чем дольше продолжалась война, тем подобных дураков становилась меньше. К середине Русской кампании мы вообще говорили свободно обо всем, что думали. Тогда уже каждому из нас было понятно, что в тюрьме лучше и безопаснее, чем на фронте. Впрочем, тогда к нам уже и не спешили применять репрессивные меры, в Вермахте был на счету каждый солдат... Но не буду забегать вперед.

Вскоре после разговора с Йозефом я заснул в своем окопе. Я долго ворочался, перед тем как сон окончательно сморил меня. Мне было беспокойно от мыслей о том, что завтра я буду учиться новым способам убийства. Впрочем, в моей ситуации это были скорее способы выживания. Я заставил себя успокоиться на этой мысли.

Наутро сразу после завтрака наша дивизия была мобилизована. Солдаты паковали в грузовики и бронированные автомобили войсковое имущество. Наступление продолжа-

лось. Наша дивизия должна была продолжать движение к Варшаве.

Окончив погрузку, я направился к палатке сержанта Зоммера. Он уже ждал меня у входа. Его лицо было намазано сажей. Я тогда подумал о том, что Зоммер просто помешан на маскировке. Но в последующих боях я не раз убеждался, насколько важно снайперу быть таким «помешанным».

– Доброе утро, сержант! – сказал я.

– Еще увидим, насколько оно доброе, – ухмыльнулся он в ответ и посмотрел на противотанковое ружье у меня на плече: – А это еще что такое?

– Противотанковое ружье.

– Ага, понимаю, ты его носишь вместо талисмана? Не тяжело будет?

– С помощью его я уничтожил вражеского пулеметчика через мешок с песком, – ответил я, смутившись.

– Ладно, это твое дело. Но не забывай, что снайперу крайне важно уметь быстро уходить с позиции. Впрочем, ты молодой, тебе, наверное, даже эта штукавина не кажется тяжелой ношей...

– Да, почти не кажется, – соврал я, чтобы не дать сержанту окончательно меня высмеять.

Он похлопал меня по плечу:

– Мне нравится твой бодрый настрой, Гюнтер!

На этот раз я ехал в кузове грузовика вместе с сержантом

Зоммером. Грузовики тянулись бесконечной колонной. Мы ехали следом за дивизией, состоявшей из танков и бронемашин. Когда по пути я выглядывал из кузова грузовика, то видел бессчетные вереницы польских беженцев. Некоторые из них тащили узлы с вещами просто на себе, но у большинства были хоть какие-то тележки, а порой и повозки, запряженные лошадьми. Крайне редко мы видели у беженцев тракторы и другие машины. Но им приходилось ехать по бездорожью, потому что дорога была занята нашей колонной.

Этот день для меня прошел вполне спокойно. По пути Зоммер продолжал учить меня снайперским премудростям. Например, он рассказывал:

– Бегущий человек – это тоже хорошая мишень для опытного снайпера. Просто нужно целиться, немного упреждая его движения и учитывая расстояние до цели. Конечно, это приходит с опытом. Но, я уверен, Гюнтер, ты освоишь это.

Я подумал о том, что если меня не убьют, то у меня действительно будет уйма времени, чтобы освоить все тонкости снайперского ремесла. После того как Великобритания и Франция объявили нам войну, было ясно, что она надолго. «Возможно, война продлится еще целый год», – решил я тогда. Конечно, мы в ту пору еще не осознавали, насколько все будет страшным и долгим.

Вечером мы, как всегда, сделали остановку и разбили лагерь. Нам было приказано рыть окопы. Мы, солдаты, не видели в этом особой необходимости, ведь впереди нас была

целая дивизия танков. Но приказ есть приказ, и мы вырыли неглубокие траншеи. При этом я с удивлением заметил, что рытье окопов стало для меня делом привычным и не таким утомительным, как раньше.

Ночью откуда-то издалека до нас донесся грохот артиллерийских орудий. Мы просыпались, переворачивались на другой бок и продолжали спать дальше. Мы не придали этому значения, потому что огонь доносился со стороны дороги на Варшаву и нас разделяли танки. К тому же нам не верилось, что это стреляют по нашей колонне. Ведь не осмелятся же поляки обстреливать целую дивизию немецких танков.

Однако мы ошиблись. И вскоре мы увидели пламя вдали, говорившее о том, что загорелся один или несколько из наших танков. Теперь до нас уже отчетливо доносился ответный грохот немецких орудий и танковых пушек. Сон как рукой сняло. Польские снаряды падали в какой-то сотне метров от нас. Я быстро натянул на себя каску, которую беспечно снял с головы перед сном.

Орудийная перестрелка не прекращалась. Прошло уже около получаса. Впрочем, может, и меньше: время тянулось слишком медленно. Мы, пехотинцы, были наготове, постоянно ожидая приказа идти в атаку. Польские снаряды взрывались все ближе, и я ругал себя за то, что поленился рыть глубокий окоп. Впрочем, основной целью артиллерии врага были танки. И это утешало.

Но через несколько минут один из снарядов упал прямо в

соседнюю траншею. После оглушительного взрыва мне стал слышен вой раненых и крики: «Врача!» Меня охватил страх. Но через несколько минут в нашу траншею запрыгнул унтер-офицер.

– Приготовиться! – скомандовал он. – Через пять минут мы пойдем в атаку!

Его приказ заставил меня собраться. Я вспомнил слова сержанта Зоммера о том, что мне будет не слишком сподручно бегать с противотанковым ружьем, и положил его на дно траншеи. Вскоре я уже бежал в массе атакующих позади наших устремившихся вперед танков.

Снаряды без конца взрывались рядом с нами. То и дело раздавались крики и стоны раненых. Я заставлял себя не думать об этом, а просто бежать.

Темнота то и дело озарялась парящими на парашютах осветительными ракетами. Наконец мне стал виден лес впереди. До края леса было около километра. Именно оттуда польские орудия и вели огонь по нам. При вспышке следующей осветительной ракеты я понял, что теперь мы видны полякам как на ладони. Я заорал: «Ложись!» – и спешно рухнул на землю.

За разрывами снарядов мой голос слышали немногие. А инстинкт самосохранения, видимо, не у каждого работал так же хорошо, как у меня. Поляки же не замедлили открыть огонь прямой наводкой по нашим танкам и по пехоте. Застрекотали польские пулеметы. И через миг вокруг меня на-

чали раздаваться бесконечные крики и стоны раненых.

Наши танки продолжали продвигаться к лесу, ведя ответный огонь. В промежутках между вспышками осветительных ракет я осторожно бежал вперед, прячась за каждой неровностью местности. У поляков было очень много противотанковых артиллерийских орудий, и все больше наших танков горело.

Примерно в трехстах метрах от леса наши танки почему-то остановились, продолжая вести огонь из пушек и пулеметов. В предрассветных сумерках я не мог понять, что произошло. Но потом, подобравшись ближе, при вспышке очередной осветительной ракеты я увидел противотанковый ров, преградивший дорогу к лесу.

До польских позиций было не больше четырехсот метров. Я занял позицию позади более-менее прикрывавшего меня холмика и начал вести огонь из своей снайперской винтовки, целясь на вспышки на конце стволов польских пулеметов. Не знаю, сколько это продолжалось и сколько поляков я убил. Может быть, десять. Может быть, больше. Огонь вражеской артиллерии почти затих, но польская пехота продолжала вести огонь по нам.

Между тем все сильнее светало. Мне стало небезопасно прятаться за холмиком. Я разглядел в ста пятидесяти метрах от меня небольшой сарай. Пожалуй, он мог быть неплохим укрытием. Я натянул на лицо маскировочную сетку и устремился туда.

В сарае пахло сеном. Более того, я увидел в нем несколько коз и корову. Козы блеяли, а корова не переставала мычать, испуганная боем. Но все они были целыми и невредимыми. Это походило на чудо. И это был хороший знак. Я решил занять позицию на чердаке и начал взбираться по лестнице.

Едва просунув голову на чердак, я увидел направленный на меня винтовочный ствол. Я понял, что мне конец. Но нет, у меня не пронеслась перед глазами вся прошлая жизнь. Так говорят, но у меня ни черта так не было. Просто какая-то пустота охватила и тоска. А выстрел все не раздавался. Мне казалось, что это длилось долго, но, конечно, на самом деле прошло лишь несколько секунд. И я услышал голос сержанта Зоммера:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.